

Н. А. Криничная, В. И. Пулькин

ВЫТЕГОРЬЕ — КОРАБЕЛЬНАЯ СТОРОНА

**Дневник собирателей фольклора
(июль—август 1971 года)**

Четверть века эта рукопись пролежала «в столе». Рядом с записками о других странствиях в поисках «несказочной прозы» — легенд, преданий, мифологических рассказов — по стране вепсов и Русскому Поморью. По Заонежью и Пудогге. Вместе с уральскими, сибирскими, волжскими блокнотами.

Тексты запечатленных нами фольклорных произведений изданы в научных сборниках, помещены в академических монографиях¹. Нашли они отражение и в книгах прозы. Казалось, дело сделано. Но вот пришло новое утро, раскрыта старая походная тетрадь. Сияние давнего июля, пестрые встречи на старинном водном пути, Мариинке, нынешнем Волго-Балте, живые интонации не забытых сердцем людей, наших давних рассказчиков, хлынули свежим ливнем давно минувшего лета. Многих героев нашего дневника уже нет в живых, но в тексте мы решили ничего не менять. Пусть они останутся с нами, и этот рассказ послужит доброй памяти людской.

І. «За морями земли великие»

Пролог в экспедиционную жизнь — краткая, недоспанная ночь. Опять барахлит магнитофон. Чуть не забыли о запасе кассет. Каждая экспедиция — маленькая жизнь. Счастливая или не очень. Со своей судьбой. Пожелаем же себе удачи.

На причале, у «Кометы», — обычные «районные» пассажиры, дремотно переговаривающиеся, ждущие, когда подадут трап и можно будет прикорнуть в кресле. Туристов нет — чуть позже они запестрят там, у кижского «Метеора». Выделяется стайка курсантов речного училища. Один из них держится забавно-важно, поблескивая старшинскими нашивками на форменке. Морячки с еще детскими лицами едут на практику на шлюзы Волго-Балта.

«Отдали концы» — и любимый город открылся во всей красе. Навис над Петрозаводском смог — рваный полог дыма, пыли. Над нашей Кукковкой² редешущим закрайком цепляется он за синие ели над приземистыми бараками. А между тем древний корабельный путь дает о себе знать. Навстречу, на траверсе Ивановских островов, поспешает буксир, особенный, шлюзовой. Форштевень у него как бы

раздвоен, им он толкает баржи впереди себя. Высоко вздернуты два плоских носа, каждый оканчивается чем-то вроде ходового мостика с поручнями, трапами. Кораблик кажется парой коней с возком на мерцающем Онего, как нижегородская, рубленная из сосны игрушечная «пара вороних». Здесь, на полуночном конце великого пути, повевает уже сладкий волжский ветерок. С запада и севера дышат Балтика и Студеное море.

Следом за лобастым буксиром кильватерной колонной идут степенные сухогрузы, контейнеровозы, танкеры. Чуть завидели груз — глина! — память подсказывает: небось, та самая, знаменитая андомская, из которой творили гончары-черепенники звонкие кринки, вековые квашни, двухрожковые рукомы и нарядные игрушки, нажили добрую славу прионежские скудельники-горшени! Ну что поделаешь, ежели собиратель легенд весь в легендарном же прошлом...

Весело пробежала развалистая в бортах шхунка под двумя высокими, чуть кивающими с борта на борт мачтами. На палубе принятованы крутобокие бочонки. Ах, непременно крепко засоленных знаменитых белозерских снетков везут из древнего многобашенного града! Рыбку дробненькую, но тем и дорогую. Как другой деликатес севера, — каргопольские грибки-рыжики, те, которые солят в узкогорлых бутылках. Ведь каждый грибок — не более копейки.

Мы полны ожиданием нового, неведомого в краю, о котором немало прочитано. Намереваясь собрать предания, надо точно знать, о чем спрашивать в деревнях и градах, знать и «малую» местную историю, и все, что касается «большой» истории в этих даях. О чем может «помнить» молва, эта волна, переходящая из поколения в поколение... Здесь в незапамятные времена был путь — водный и волоковый — судам из Балтики и Скандинавии в пестроцветную Персиду, Индию «пребогатую». И Русский Север кормился по этому пути хлебом из низовых городов, а полуденные грады солью разживались с Беломорья.

Блестит утреннее Онего, и на борту современного корабля на подводных крыльях вдруг ощущаешь над собой прямоугольный парус прадедовской лодейки, слышишь слова заонежских преданий, давно уже сложившихся в сказ, этот сложный хор легенд, музей полузабытых речений. Говор скрытого там, за окоемом, края, издавна связанного с Вытегорьем.

* * *

Сказ первый. Змей — серебряная спинка

Кто во синем море не бывал, тот от сердца Богу не маливался. Старинное присловье не мимо молвится. А Онего — то же море,

страховитое раздолье. Зато и рассказывать мореходы горазды. Вот и поговаривал кормщик Никифор Алуферов, а мы, молодые ребята, послушивали.

Везли будто наши вегорукские ребята, заонежане, муку из Вытегры Онего-озером, бежали на соемке в предбудущий Петрозаводск. Это еще при Великом Осударе было, на веку происходило. Пала тогда им несветимая погода. Такой взводень — воду-землю рвет, пену с гребней счесывает, леса клонятся.

Глядь, плывет за бортом змей. Из сил выбивается. Норовит к соемке поближе. Глядит, как человек. Молит в несчастном положении. Ну, наши вегорукшане его, конечно, по головушке веслом — раз! Жалкуют — не попали! Ведь нам эти гадовья на нивьях лесовых надоели. И на пастбищах коровушек жалят... Мы на них гораздо сердиты.

Ладно, побежали с гоготком да с посмехом дале. А ветер-то пуше! Соемка мало не мачтой по воде бьет-колотит. А следом за нашими старичонками кижане бежали, тоже, знаешь, с хлебушком от низовых городов: один промысел. Вот ихний-то кормщик, Гаврило Клинов (они и теперь в Кижях живут, Клиновы! Костя Клинов бывал, знаменитый кижский плотник-реставратор. Я от него эту сказку слышал!). Дедушко Гаврило старик знаткий, богомольный. Дружине говорит: «Што, ребята! Надо ведь змею-то помощь дать. Господнее творение!». Протянули весло с бережением, с ласковым словом. Змей по нему ходко забрался, на мешки прилег. С великой усталости заснул — и бедовую головушку свесил.

Пришли в предбудущий Петрозаводск. Кормщик шапку снял: «Батюшко! (Это змею-то! Вот затейный.) Хлебушко сгружать станем, содвинься, баженный». Змей и сплыл по веслу на матерую землю. Ушел в серые каменья аккуратно там, где теперь парк с каруселями. Только серебряный узор на серой спинке сосверкнул. Влез в зеленую травушку, как в лес.

Ладно. Про змея кижане и думать забыли. Кули снесли по сходням. Деньги у купца взяли, поделили-подуванили. Винца выпили. Время в Кижы бежать, покуда дует мати добрая поветерь. Глядь: к соемной артели топочет-движется здоровенное солдатище. И с ружьем. Во фрунт становится. Гремит, как весенний гром: «Гаврило Офонасьев сын Клинов! Требуется тебя Царь-Осударь сию же минуту!».

Гаврило, конечно, не шибко приужахнулся. Заонежане наши, — а пуше того — кижане! — с Петром Великим почасту стаканчики содвигали. Любил он нас, правду сказать. За мастеровитость, за морское знание. В матросы верстал. Прихватил кормщик-шкипарь ржаной рыбник в гостинец, пошел к Осударю. Петр кижанина хорошо угостил: пили вино, рыбник рушала, беседовали. А в палатке там, у Царя, молодой генерал в уголке сидит. Пишет, колено поднявши,

грамотку. Шинелька серая у него на одном плече. И с серебряным позументом — узор кижанину будто знакомый. Петр ус топорщит: «Узнаешь, кижский мореход? Ты великую мне службу сослужил — этого молодца спас, на весло принял. Ведь он по осудареву слову плыл...»

Ты стариков послушай, которые знающие. Петр, он даром, что Великий слывет. Мог всякую минуту и котикой перекинуться — да и на рябинушку! Коты сроду со змеями дружбу водят, заедино живут. Выручают друг дружку! Кошачий обычай — змеиному сродни. Не идет кошка — струится, течет. А премудры они — кот ли, змей! В Заонежье скажут: кошка после рожденья котят к змеям ходит, — детям глаз просить. Домовой может котом перекинуться. А друг его, дворовой, — змеей...

Да, так про кормщика кижского! Про Гаврилу-шкипаря... Напоследок Петр ему говорит: «Надо вас, заонежан, за доброту наградить!». Кошель денег и получил Гаврило. Куда с таким богатством? У нас все мир решал, крестьянское общество. Корабельная дружина цветны бороды содвинула. «Што! — говорят. — Надо нам церковь поставить... Преображенский собор! Потому — у царя самолучший полк Преображенским слывет, и в нем наши сынишки службу цареву ломают». В двадцать две головы думу думали — и порешили поставить собор двадцатидвухглавый.

На ту пору война шла. Мужики в солдатах, матросах. Иные на верфях тружатся. На заводах пушки льют. На болотинах рудных железо копают. Всюду мы, заонежане, потребны. А без красоты, как без хлеба, не прожить. Красотой человек с Богом разговаривает, как молитвой.

... Надо самолучшего зодчего согласить! Про него только и знают: жил Мастер Нестер. Собор построил — и топор в Онего сродил. А ты послушай, как на деле-то бывало. Старые люди сказывали — им не врать стать.

Приехал ли Мастер в Кижы или тут и жил — про то помалкивают. Пришел раным-рано мерным шнуром на проталинке по весне размечать, где, значит, собору стоять. А на берегу молоденький генерал сидит, трубочку покуривает. «Давно, — сказывает, — тебя, Мастер Нестер, дожидаясь! Есть у меня должок кижанам... И вот тебе справный топор, серебряная секира. Поставишь собор великий, многославный. А как исполнишь плотницкий ряд, и тут топоренко возверни! Иным зодчим передам — после тебя придут!» — «Да куда возвернуть-то!» — Нестер ручищами развел и мерный шнур сродил. «А вот — в воду метни... Не сомневайся, у нас не пропадет!» Нестер и пообещался...

Этот серебряный топор как заговоренный был. Бревно ли отесать — одной щепой-ластиньем сойдет стес. Паз ли вынуть, угол срубить... Вечером втемнях светится, утром разбудит. Все бы лад-

но — да ведь расставаться скоро: поднимается собор! Первые венцы они положили — Нестер с артелью — тут прогремела Полтавская баталия. Осветили — на ту пору аккуратно одолели шведа в морском сражении при Гангуте, летом на Преображенье, в 1714 году. До чего жаль было Нестеру топоренко в воду метать: «Не было, — говорит, — такого допрежь, да и не будет!». Да что станешь делать? Уговор.

С той поры все, бывало, говорили промеж собой мужики, ручищами по коленкам схлопывали: «Эх, кабы наши вегорукшане змея этого, водяника-генерала, на весло приняли, честь бы дали! И стоял бы у нас собор дивный, многоглавый. Славилась бы, поди, Вегорукса, не запустошилась, как ныне! А теперь все слышишь: Кижж, Кижж! Оплошали старичонки, ихний грех...»

* * *

Прощай, оставшийся за кормой Василисин маяк, водная росстань на Кижж. Проплывают на западном, ближнем берегу плоские вершины вепсского «нагорья». Все мысли наши там, впереди, где в устье реки встала у деревни Гостиный Берег Вянгинская пристань, — там некогда Петр I велел поставить корабельную верфь. И было это на следующий год после Полтавской баталии — и накануне Гангута, Гренгама. В 1773 году селение Вянги получило статус уездного города Вытегры.

В салоне теплохода пошумливает, «пристает» к пышной буфетнице с морскими любезностями пьяный, поношенный мужичок в фуражке-«мичманке». И к нему тоже у нас возникает весьма дружественное чувство, потому как и он ведь плоть от плоти этого древнего водного пути. Этаким, понимаешь, деревенский соемный «шкипарь»! Да и трогательно похож он на нашего кижского знакома, Борю Площадного. Того, что недавно по пьяному делу съели на январском льду Онего оборзевшие с голодухи волки. Только и осталось от Бори, что пара стоптанных валенок. Здешний «Боря» благосклонно принял наши увещевания, послушно затих в уголке.

Трасса Волго-Балтийского водного пути пролегает по Неве, Ладоге и Свири — на всем ее протяжении до узловой пристани Вознесенье. И далее — по восточному склону пути, от Вознесенья до Череповца. Марининская водная система занимает половину этого почти тысячеверстного пути. Наша «Комета» входит в канал, обгоняя неторопливые баржи, беленький агиттеплоход «Спутник», еще какие-то суда и суденышки. Приближаются шлюзы. По их ступеням теплоход подымется в гору, возвысясь над пестротой домиков, усыпающих холмистые берега, изрезанные, как на старинной гравюре, оврагами, косогорами и осыпями.

В бескровную ниточку сжал губы отрезвевший «Боря». А глаза, наоборот, вытаращил. Глядел на берег неуголимо. Матрос попросил

было слезть с борта. Но впавший в экстатическое состояние мореход глядел вперед, стоя на закрылке корабля, толково объясняя нам устройство, назначение гидротехнических сооружений. Порывался и за борт прыгнуть, на парашют набережной. Только никто не брался скинуть ему вослед его чемоданчик с нежно булькающим содержимым.

— Да ведь я всех здешних, вытегорских, знаю! Мальчонкой еще работал... и деды-прадеды! Со времен Великого Петра! — И вот мы слышим самое первое на этой земле в нынешней экспедиции предание: как Государь строил обводной Ладожский канал, как работали на нем здешние мужики. Суетится наш рассказчик, волнуется. Откуда едет? Судя по «воспитательной беседе», проведенной им с ребятами-курсантами, был матросом рыболовного флота в Мурманске.

Все заклинал «Боря» будущих мореходов не поддаваться соблазну больших денег: «Как придут, так и уйдут, как придут, так и уйдут!». Фраза «Боре» нравилась, повторял неумолимо. И все же, видно, нелегко давались ему денежки. Потрескавшаяся кожа на раздавленных работой больших пятернях, порыжелая мичманка говорили об этом лучше слов.

II. Вытегра

Мы в клетки шлюза. Высоко нависшие на бетонных башнях кабинки — в глубине их таинственно двигались озабоченные люди — закрыли Онего и только что пройденную 14-километровую часть реки Вытегры мощными железобетонными затворами. Речная вода стала вздыматься в камере, выпирая наверх нашу «Комету». Для нее этот крылатый кораблик — пустячок. Здесь шлюзуются теплоходы водоизмещением до 5 тысяч тонн. А двухтысячники встают по два, скула в скулу. Совсем недавно прошла реконструкция гидросооружений Волго-Балта. Все новенькое, с иголочки.

Да, а нам-то нужно — старенькое! За стариной едем... Что-то не очень верится в успех. Больно разбитной, бойкий народ здесь, на великом древнем пути. То ли дело было в тихих залесных деревнях! Ну да ладно, снявши голову, по волосам не плачут. Поднялись в гору. Отворились опять ворота — и полетели мы освобожденно к причалу. Начало одиннадцатого...

В полдень бешено — «под завязку!» — набитый автобус побежал по зеленой, холмистой Вытегре, такой непохожей на иные прионежские города, те, что севернее. Даже этими вот выгодно разросшимися липами, тополями, как в средней полосе. И — характером многих домов бывшего уездного центра. Трогательно помнят здешние старожилы: городок принадлежал Олонецкой губернии. Да и теперь связан с Карелией тысячами связей, родственных уз. Мало ли «вытегоров» в Петрозаводске? Да сколько хочешь.

За окном возник белый — в окна автобуса полыхнуло светом! — собор. Пятиглавый, с колокольней. Ну пусть поздний. Пусть не шедевр. Успели различить вывеску у входа в храм: «Вытегорский краеведческий музей». Теперь знаем, где именно находится главное для нас в любом городе здание. В своих путешествиях «за живым словом» прежде всего заходим в музей. Обязательные визиты в присутственные места — райсовет, райком партии — потом. А как смотрится это здание с воды! Колокольня, как водится, была и звуковым маяком для судов на Онеге — синем морюшке, страховитом, гневливом.

Верно сказал при первом знакомстве здесь, в Вытегре, местный краевед, писатель, охотник и народный мастер Ефим Григорьевич Твердов: «Комолые стали наши места, когда церкви, часовни порушили.словно коровы безрогие, без колокольников-воркунов — никакой красоты». Жутко представить себе Вытегру без ослепительно, освежающе белой на летнем солнышке церкви, последней из множества преждебывших храмов в этом городе купцов, водников. А зимой, на морозце, такие храмы неожиданно румяны, теплы на фоне волнистых снегов. Это подметил еще художник Б. Кустодиев.

Ладно, пусть вытегорский собор и поздний! Но что это за предубеждение против храмов, поставленных в XIX—XX веках? Сквозь очевидную казенщину «типового проекта» в них прорывалась гениальность русских зодчих. А как хорошо они всякий раз поставлены — доминантой окружающего пространства. Сказывалось неумирающее мастерство, безусловно родственное словесному. Эх, кабы хоть что-нибудь записать, не вовсе зазря приехать! Сказки — те еще живут. Их доселе поддерживает книга: бабушки внукам, если «не от себя», так из книжки прочтут. И песням приют — самодеятельность, семейные праздники. Вот предания, легенды, былички — рассказы о нечистой силе — разыскать куда труднее. Тут не встанешь лагерем на месяц, чтобы наполнить магнитофонные кассеты, блокноты. Надо неутомимо идти из дома в дом, из деревни в деревню. А то как раз ни с чем и останешься.

Вытегорская церковь на холме — гордая корона, венчающая древнее русское поселение. А тело, одежда этого города, — конечно, на взгляд обитателя более северного края, — распрекрасные сады, парки. Много дебелих берез, лип. Серебристыми каскадами ниспадают ветви ив над водами. Вдоль городской магистрали, пересекающей бывшее русло канала, — купы топей. Сквозь зелень проглядывают старые мещанские домики, изукрашенные изобильной пропиальной резьбой. Среди каменных серых, безликих «хрущоб», одинаковых повсюду, куда ни приедешь, выгодно смотрятся старинные дома — здания уездных «присутствий», лавки местных купцов. Так всюду в старых городах! Не забыть магазинчик, виденный в прошлом году в Ошевенском, близ Каргополя. Музей бы там сделать, повествующий

о традиционной торговле, художественном вкусе, с которым обставлен был купеческий быт. Да и «мещане» напрасно у нас шельмуются. Ведь это означает просто горожане, и у них были свои симпатичные традиции. В былых лавках уездных городов несокрушимы дубовые прилавки, резные конторки, сводчатые стены...

На реке Вытегре поныне сохранились и старые шлюзы, и берега, укрепленные бревнами. Это мы доподлинно установили, гуляя теплым летним вечером по крутым, как взмахи деревенских качелей, улицам городка. Вдруг из глубин честной старины являлся на свет Божий то шлюз — рубленая в несколько венцов камера-клеть, то ряд вертикально вбитых копром бревен. Трогательное ощущение усталости, покорности времени исходит от старых строений. Сбережет ли их Вытегра? Много потеряет, если лишится своей истории, ее немых, как говорят, свидетелей.

Спокойны воды Вытегры. Качается, тускло светясь в сумерках огнями, зовет на киносеанс агиттеплоход. Репетирует на берегу программу самодеятельный ансамбль «Трудовые резервы» из Петрозаводска. Полузатопленный челн по непонятным законам природы мерно, сам по себе ходит от заброшенной плотины до моста и обратно. К желтым, как в Оби, водам, к пестрым челнам и утлым мосткам спускаются на водопой стада. Бегут купаться ребятишки. Правятся рыбку ловить ветхие старичонки. Мы же глазеем на мирозданье и понемногу входим в контакт с вытегорами. Записываем первые тексты.

Добыча наша — магнитофонные, «пословечные» записи легенд, преданий, народных рассказов. Услышанное здесь перекликается с речениями Заонежья и Поморья. Сохраненное одним вытегорским сказителем дополняется «древними памятями» другого. И вот расцветает сказ. И здесь вся «старина» собирается вокруг имени и деяний Петра I — корабельная ведь это сторона, Вытегорье.

* * *

Сказ второй. Беседная Гора

Проезжал Великий Петр нашими местами, через былой Вянгиручей, нынешнюю Вытегру, Архангельским трактом. На север шел, корабли строить и шведа бить. В деревнюшке Шестовой народу набилось — как темен лес шумит. День праздничный. Староста с выборными лучшими людьми вышел Осударю навстречу.

Великий Петр росту высокого. Ученья большого. С очей веселый, ласковый. Хлеб-соль у наших стариков принял, держал с крестьянами приветный разговор. Про путь-дорогу, про волоки спрашивал подробно, пристально. И преждебывшие наши старичонки отвечали ему степенно, все при всем, без утайки.

— В четырех верстах ниже по реке есть, надежда-Осударь, пристань Вянгинская. С Бадог гужом возим конно хлеб с низовых городов, с Волги-матушки. Потом, конечно, плавим хлебушко на баржах-тихвинках Шексной, Белым озером, далее — рекой Вытегрой. И тамотко барки ведут бурлаки, охочие люди.

— А с Бадог, Осударь, до Вяньги-пристани теперь ехать тебе никак нельзя. Вода, знаешь, не сошлась. И верст пять будет непроходное отмелое место: суда никак не пройдут. Дале по Вяньге-реке, конечно, быстрина. Пороги! Ты там, гляди-ка, Осударь Великой Петр! Не дерзи реке. А лучше клинки тамошних знатных лоцманов, вековых приречных лоцманов. Они с водяниками ладят да и с Николой-угодником. Проведут твой корабль задешево, беспечально, скоро.

— Дородно обсказали! — Петр черну трубочку вынул, о каблук ее выбил. И на бревнышко с дедами нашими седатыми присел, пуще разбеседоваться желает. — А вы сами, ребята-мужики, чем живете-кормитесь?

Наши, конечно, рады с дорожным человеком разбеседоваться. Отвечают все при всем:

— А вот, Осударь, наш промысел каков. Строим мореходные корабли-галиоты на твоих осударевых верфях. Озерные соемки тоже — и пушаем, знаешь, в Онего-озеро. С Вяньги этой, конечно, ходим шкиперами, боле по Свири, по Ладоге-озеру. По вольной, сладкой воде. И дело наше нам куда как по-любви. Ведь идет наше озерное, речное знание от преждебывших людей, родителей.

Осударь трубочку набил опять. Наши падеды — прадедам деды! — огоньку выкресали, поднесли с береженьем, почетом. Ну закурили вместе — и мы ведь не староверы! Любим и водочку, и табачок. Над головушками синь дым завис. Петр I душевно умилился, в долони схлопнул:

— Што! Вижу теперь. Живут здесь люди не глупцы. Народ работной, горячий, речной и морской.

— Оно конечно! — дедушка россмехнулись, переглянулись. — Ходим — за канат не держимся. С ножа уху не хлебаем. Своим трудом сыты. Из хлеба и сроду никому не кланяемся, руку не тянем.

— Вот это дак по мне! — царь сказывает. — Так и живите. И больно хорошо!

Место, где Петр с нашими падедами беседовал, у нас доселе знают: Беседной Горой на Вытегре слывет. Теперь тут — Мариинка — Волго-Балтийский водный путь!

* * *

Бережно хранится в народе память о Царе-труженике, живет и в наши дни. И не только в малых городах и дальних селах! Кажется, в любой аудитории найдешь, читая «петровские» сказы, живой интерес к ним. А нередко — и услышишь новый сюжет, родовую легенду...

III. Ефим Твердов

Переступив порог местного музея, тотчас встретились с этим литераторским именем. Здесь развернута выставка поделок Ефима Григорьевича. Резьба по дереву — довольно грубая. Аляповато раскрашенная жесть при помощи паяльника превращена в макеты памятников деревянного зодчества. Поблескивает слюда, еще какие-то материалы, немыслимо соединенные. Но ведь вот диво-то — талантливо, своеобразно! Мы так углубились в рассматривание пестрого сора художеств Ефима Твердова, что, когда подошли к кассе, там изумились: «Да ведь вы с самого утра здесь, я думала — с билетами!».

Странные произведения выполнены рукой причудливого самодеятельного мастера воистину с божьей искрой. Мы сразу узнали народного художника в чуть заносчивом, избалованном вниманием, похвалами старичке, белобородом и чуть косолопом, невысокого роста. Не удержались, посетовали, что, мол, не подходит ему фамилия — Твердов! Будто педант какой! Оказалось, нежнейший, податливейший в общении старик придумал себе звучный псевдоним, вступая во Всероссийский Союз крестьянских писателей в 1928 году, 25 лет от роду. Вот он, членский билет этой организации, валяется на этажерке... А подлинная, отцовская фамилия — Хохлов.

Откуда взялись Хохловы в глухой вожегодской, что близ нашего любимого Каргополя, деревнюшке? Что-то мягкое, южное, «хохлацкое» и впрямь есть в этом человеке с серебряной бородкой, подбритой у рта и на щеках. Он простодушно, но напористо сравнивает себя с черкасовским профессором Полежаевым из старого фильма «Депутат Балтики». А что? Есть общее. В окрыленности и самоиронии чудаковатых талантливых стариков... Но это мы уже потом, дома у Твердова беседовали! Но надо еще немного сказать о музейной выставке творений Ефима Григорьевича, каргопольца по рождению, ставшего типичным вытегорцем, знакомого здесь человека.

В музее твердовская пластика экспонирована на своеобразной «горке». На уступчиках вроде иконных лещадок помещены условные архитектурные миниатюры, композиции-макеты. У поляков это называется «фрашки», «шопки». Там это распространенный вид народного искусства, ставший заметным промыслом. «Шопки» — непременная принадлежность католического рождественского ритуала, особенно на селе.

Оказалось, Ефим Григорьевич не только основательно знаком с польской традицией, но даже переписывается вытегорский дед-всевед с одним из матров польской фрашки. Стало быть, Твердов опирается на передовой европейский опыт, создавая свои макеты сказочных зданий, украшая их резьбой, росписью, цветной фольгой, дымчатой слюдой — «паче реши» — чем ни попадя! Твердов с важностью

Ефим Григорьевич Твердов.

называет этот прием создания своих настольных дворцов и храмов — «имитат». Тоже, видно, польский, пришедший из латыни, термин. В некоторых мотивах архитектурной резьбы можно усмотреть влияние мазовецкой орнаментики вырезок из цветной бумаги. Или многоцветной карпопольской вышивки?

Некоторые поделки целиком из жести. Мастер и начинал с металлических макетов, лишь позже перейдя на дерево. Увлечся «малым зодчеством», когда слег со вторым инфарктом, — тревожным «звонком с того света». Перенес тяжелую операцию на сердце. Тогда и решил старик заняться чем-нибудь, что отвлекло бы от тяжких раздумий. Попросил сына Валерия привезти старых жестяных банок: лучше из-под сгущенного молока, они помягче...

Твердов нарезал жестяных полосок. Густо расписал их масляными красками. Стал соединять паяльником детали домодельного «конструктора». Появились произведения серии «Архитектурные памятники древнего Новгорода», «Юрьев монастырь», другие. А первым встал на рабочем столе народного мастера «Московский Кремль». Последним же, вовсе недавно (закончен перед нашим приездом) — многоглавый деревянный храм из Анхимова, близ Вытегры, старший брат Кижского Спаса, повторен в мягкой жести.

Ефим Григорьевич — довольно известный литератор, автор охотничьих и рыбацких рассказов, знакомых и читателям «Севера». Перед поездкой в Вытегорский край случилось видеть восторженную рецензию в «Юности» на очередную книгу Е. Твердова. Он — недавний учитель труда в местной школе. И — один из первых русских авиаторов или, как сказал его давний знакомец Велимир Хлебников, — «летчик»! Ныне слово прижилось, а поначалу, небось, казалось странным, как вырезанные ножницами из жести шедевры Твердова. И вот, будто увиденные с высоты полета на утлой полотняной конструкции первых аэропланов, предстают на выставке храмы, хоромы работы деда Ефима. Среди них — неведомая мне «Нелазская церковь», «Храм из села Белая Лебедь», «Дом моего деда», «Хоромы купца Лопарева», а также «Макет Кондопожской церкви», «Волкостровская часовня»...

Некоторые «шопки» дополнены фигурками людей — «Терем Гвидона», «Дворец царя Салтана», «Дворец из аксаковской сказки «Аленький цветочек»». Есть среди работ Ефима Григорьевича групповые композиции из дерева, двух- и трехфигурные, на фольклорные темы. Резьбу незамысловатую Твердов дополняет примитивным выжиганием. А глядь — получается почему-то интересно, вот диво!

Вслед за нами заинтересованно, легкой охотничьей поступью ходит-побеживает дедушко Твердов. Посвечивает серебряной бородушкой. Рассказывает о своем стародавнем деде. Был дед Корней Хохлов денщиком у самого Льва Толстого, до старости переписывался с «барнином». Это Корней научил так обращаться с осиной мало-

Город Вятска. Работы Е. Г. Твердова в краеведческом музее. Фотография Б. Вдовенко.

летнего Ефима, чтобы была она мягче, пластичней, чем липа. Осина — она ведь бывает шестнадцати сортов, не менее! Иные так и очень твердые. Недаром ведь первые венцы знаменитой анхимовской церкви — «окладные» — из осины! Из нее же долбили ложки, делали хлебные лопаты, а также — чапыги, ручки сохи. Осиновый полук сроду не обожжет тело в бане, даже крепко натопленной. Только надо уметь обращаться с этим деревом! Обрабатывать отварами из трав и цветов. А случится рубить — и тут выбери ночьку на Ивана Купалу. Выйди с молитвой, оплесни лицо росой...

Ах, уж давно подозреваем мы, что посмеивается над усердно записывающими «народную мудрость» фольклористами непрост человек Ефим Твердов! Особенно же в этих рассказах о волшебных отварах, полуночных действиях! Эти пресерьезные откровения мы слушали в городской квартирке Твердовых, в панельной пятиэтажке. Стопка рукописей белела в резном шкафчике. На стенах — простодушные картины, одна — в бело-зеленой гамме, другая же — в пурпурной, горячий. Белые города. Олени у потоков вод. Квартира новая, еще не обжитая. Дочь Генриетта — директор школы, сын Валерий — строитель. Дети на работе. Внук Анатолий — слушатель Академии Можайского в Москве. Внучка Аэлита, школьница, — в Питере. Сидим со стариком наедине, простор для рассказывания преданий!

И вот идет неспешный, такой желанный нам рассказ-предание о далеком Смутном времени (начале XVII века), о побившем три дюжины «панов» богатыре Арсенин, иноке Муромского монастыря. В Андоме жил и иной богатырь, Онуфрий, по прозвищу Леший. Этот недавний, на нашей памяти бывал. Вызывал на поединок красного командира — сражаться на саблях. Сам был в белых и имел чин прапорщика...

Но эти рассказы — только для разминки! Ефим Григорьевич разворачивает перед нами изустную эпопею о таинственных кладах озера Могильного и о происхождении недальней отсюда деревни Десятинны и ее названия. «Многие рассказывают! — встряхнул головушкой старик. — Когда строили Мариинский водный путь, копали канаву для корабельного хода, труд был каторжный, начальство немилостивое. И вот один работник-копач, по имени Дементий Лисицын, ушел в овраги Собачьи Пролазы. И ватагу свою увел. К нему туда, в буераки непролазные, стали приходить люди — и был у этих разбойников даже свой священник. А жили, конечно, в подземных землянках. Богатых грабили, а бедным добро раздавали.

Богаче всех был Лопарев, но его разбойники с Собачьих Пролаз, эти речные грабители, все никак не могли достичь. Вот однажды возвращается Лопарев из Каргополя с богатой выручкой после ярмарки. Разбойники ему и загородили путь у росстанн там, на перекрестке. Подошли, полость санныю открыли, а оттуда три пса, железные ошейники, без лая выскочили — и ну рвать разбойников! Тогда Ли-

сицын от горечи ушел неведомо куда. А Лопарев поставил часовню святого Христофора Кинокефала — с собачьей головой он изображает, всем известно...

Про Дементия ничего не было слышно до войны двенадцатого года. А на Бородинском поле вдруг появилось мужицкое войско — кто с косами, кто с вилами. Иные — с дубьем, с засапожными ножами. Москву отдали — и они обиделись, ушли в леса. На лыжах набегали, громили французские обозы. Кутузов призвал Лисицына:

— Дементий! Ты храбрый человек! Скажи правду — кто таков?

— Михайло Илларионович! Меня не бойся. Я — прежний разбойник, а ныне — партизан! Шаромыг и шантрапу эту гоню — не жалею жизни.

Ну ведь тогда французишки промеж собой все: «Шер ами, антр а па!» Наши их и прозвали... Кутузов в коляску сел — и к царю: «Так и так, Ваше Императорское Величество! Храбрые воины, шантрапу согнали, а на Руси не имеют, где голову приклонить!» Тогда царь Александр велел их назвать обельными воинами, дать земли. «Сколько их?» — спрашивает Александр I у Кутузова. «Было поболее трехсот, осталось девятеро!» — «Пусть построят там, близ Шексны-реки, деревнюшку, назовут — Девятины!»

Они построили себе дома, а налогов-податей не платили век — обеленные от власти, «белые воины»...

Посетил памятью своей старик Твердов давние годы — и опять вернулся на круги своей жизни, тоже немалой. Молодым летчиком однажды, памятно, пил чай в гостях у самого К. Э. Циолковского. Летун-авиатор, он был и открывателем трассы Архангельск—Карпогоры. Немалое событие для Архангелогородчины зимой 1936 года.

Шесть лет служил Ефим Твердов в военной авиации. И сколько себя помнит, — охотится, рыбачит и пишет о родной природе. Литературные интересы свели его с К. Коничевым, С. Писаховым, С. Орловым. Но это — потом, чуть позже! «А в юности дружил с одним... Вот он мне в тетрадку вписал своей рукой — вы сразу узнаете!

*Зима изгрызла бок у стога,
Вспорола скирды. Но вдомек
Буренке пегая дорога
И край нахохленных сорок.
Сороки хохлятся — к капели!
Дорога пегая — быть теплу!
Как лещ наживку, ловят ели
Луча янтарную иглу.
И луч бежит в переполохе,
Ныряет в хвою, в зыбь ветвей.
По вечерам коровьи вздохи
Снотворней бабкиных речей.*

Николай Ключев, конечно. Ведь он здешний, вытегорский, его помнят многие. Он мне эти стихи передал — и секрет, как наводить узорный «мороз» на жесть. Рукомесленный был мужик. Все хотел в Индию пешком пойти, а попал, говорят, в Сибирь...»

... Поздно вечером попадаем в гостиницу. Густо, пронзительно пахнет тополевым листом. Топочем по деревянным панелям. Поглядываем на знакомые окна. Вспоминаем услышанное, записанное.

Близ нашего здешнего обиталища — деревянный домик Ивана Федоровича Кошелева. Он — рассказчик преданий о Петре Великом, о старинных бурлаках на «канавной тяге», о шлюзовых смотрителях из отставных «ундеров». Да и сам Иван Федорович — гвардейский унтер-офицер, бывлой улан. В горенке у него висит на стене серебряная, с кистями, сигнальная труба. Ее звонкий клик всякий раз будет вспоминаться нам при имени приозерного городка — «Вытегра»!

IV. Андомский Погост

Воображение ли наше тому виной или действительно так оно и есть, но здесь, ненамного и южнее нашего любимого Каргополя, во все рядышком с живописной лесной Пудогой, заметно стирается, теряется стиль. Не только в облике людей, но, главное, в их языке, записываемых нами преданиях. Как все-таки эпично наше Поморье, как акварельно Заонежье в самом пейзаже. Все ведь в жизни взаимосвязано.

Чуть к северу от Каргополя — чистое поле, выметенное ветрами с Белого моря, местами сахарно белеющее выходами известняка, того самого благородного камня, из которого сограждены города, храмы по всей Руси — от Архангельска до Астрахани. А здесь перед нами бесформенные «нивья и сеножати» Вытегорья, по которым вьется кое-как обсаженная елками дорога, под усердным колесом взбивающаяся тучей едкой пыли.

Всматриваемся в серые избы деревень, мелькающих за окошком автобуса. И нет, кажется, ни одного дома, где бы хоть сколько-нибудь сохранилась деревянная резьба ли, милая простодушная роспись цветами-травками, волшебными птицами и зверями, как в восточном углу Пудожья с его львами и «нироками»-единорогами. Нет и нет. Даже и самое обширное селение юго-восточного берега Оиего, Андомский Погост, — пустыня для нас в этом отношении. Исключение — дом старого пастуха Юрышева Федора Матвеевича. Да и тот оказался родом из ярославского Пошехонья, и пропильная резьба на его хоромах отношения к местной традиции не имеет. А мы привыкли к тому, что, где домовые узоры-прибасенки, где прятливы расписные, там и легенды с преданиями.

И все же нет на Русском Севере неинтересных сел — на этом стоим! Каждое хоть чем-нибудь да интересно. Андомцы — гончары от века. Еще и теперь, говорят, есть здесь мастер-черепенник — пенсионер Константин Иванович Шошин. Надо будет зайти, если застанем, — разбеседуемся. Водится в этих местах превосходная разноцветная глина. В былые времена приготавливали из нее охру, сурик, мумию. Огнеупорную глину еще при Петре I (все-то разговоры здесь крутятся окрест «Осударя»!) вывозили за границу. Встречаются суждения, что, мол, и знаменитые фрески в недалежном Ферапонтове писаны цветными андомскими глинами, не иначе. Из этих красителей и набойки — печатные узоры на домодельной крашенине. И сейчас еще есть, слышно, карьер в 15 километрах от Вытегры, на Патровской горе, близ деревни Кленово. Чистейшая охра! В Замощье же — шахты белой глины, годной для выработки фарфора. Сказочно богат Север, но все в каком-то запустении неблагоприятном, все будто прозябаем меж прошлым и будущим. Именно это и называем жизнью...

Андомские встречи... Первоначальное наше просвещение в здешних проблемах началось в сельсовете. Большое в нас участие принял здешний уполномоченный милиции капитан Кузнецов Александр Иванович. Он — человек воевавшего поколения, 1924 года рождения. Еще молодой, правильнее сказать, моложавый. Капитан невысокого, танкистского роста, подтянут, по-военному брав и жизнерадостен. Перенес ленинградскую блокаду, служил на Северном флоте. Предлагает нашей экспедиции помощь, содействие: на своем мотоцикле подбросит, куда пожелаем! При необходимости воспользуемся, но еще дороже — доброе слово и сердечное намерение помочь.

А в сельсовет забежали не только для того, чтобы командировочные удостоверения отметить. Надо просмотреть списки избирателей с недавних выборов. Там ведь и года рождения указаны. Наши рассказчики — в основном все же пожилые люди, тут и увидим поле своей деятельности. Принялись было выписывать имена, адреса тех, кто родился до 1900 года, — конца нет! Большинство бабушек и дедушек перебралось сюда из дальнего залесного «суземья»: из Югозера, Щучьего, прочих таежных углов. «Коренных» же андомцев в селе немного.

Неспешно пылим по проселку. Тянется Андомский Погост на несколько километров по обе стороны милой речки Андомы. Исстари деревнюшки — малые и побольше, — объединенные центром-погостом, занимали восточный берег Онега чуть не до Пудогги. Постояли мы на крутояре над речкой, вьющейся в зеленых холмах. Ах, красота! А еще брызжим, жалуемся. Пошто, мол, балконы львами не расписаны и девы — не в парчовых сарафанах, а в джинсах?!

Весело устроились в местный дом приезжих. В нашей комнате, кроме нас, живет, оказывается, тихая студентка-практикантка, юный

фармацевт. На тумбочке возле Люсиной кровати — прекрасно изданный «Салернский кодекс здоровья», писанный стихами восемь веков тому назад, украшенный редкостными гравюрами.

Начали дружно проживать втроем и втроем же читать чудную книжку. Впрочем, уходили на работу рано, приходили поздно.

* * *

Былые лесные жители, переселенные в Андомский Погост, рассказывали в основном о далеких прадедах, основавших потайные селения у лесных ламбушек. Были они, говорят, поголовно беглыми солдатами. Не пожелали удалые дедушки по двадцать пять лет слушать. Но случались среди падедов и привычные для заонежских, пудожских, поморских преданий древние новгородцы, гонимые старoverы, буйные разинцы и пугачевцы. А то и «паны», остатки воинства Сапеги и Лисовского, разорявшего Русский Север в начале смутного XVII века.

Государство вытеснило «стариков» за дальние болота, на берега незнаемых, безымянных болот. Оно же — через столетия — возвратило потомков изгнанников ближе к людям, на берега тихоструйной Андомы, текущей прямо в широкое, открытое всем ветрам Онего. В «местных» числятся Дружинины. Михаил Васильевич живет семейством там, «у орсовского магазина», Пяревский Константин Федорович — «около столовой». А дом возле конторы леспромхоза принадлежит третьему «коренному» — Александру Ивановичу Лукичеву. Они нам и расскажут подлинные андомские предания, а остальные поведают лесные были, бывальщины...

Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что Пяревские — поляки, хоть и давно здесь живут. А Лукичевы — из залесного Югозера. «Здешние, андомские, считай, все в города уехачи! — сказала нам бабушка Марфа Алексеевна Варина, 1913 года рождения, родом из деревни Щучья. — Все разлетелись: Аргамаковы, Сердуковы, Чепаревы, Погонины — только Дружинины остались. Понаехали мы, деревенские. «Опреселились» на Погосте, считай — мешана!»

И добрейшая Марфа Алексеевна порассказала нам о родной деревушке, основанной когда-то беглыми солдатами, а ныне не существующей. Поведала живописные былички о страшных случаях на крещенском гадании, о леших и водяных. И о том диве, про которое прознали давние ее односельчане, Харя и Харлампий. Будто есть где-то, за семью волоками, теплая сторона, где репа на деревьях растет слаще земляной. Отправились они ту сторону искать, да так и не вернулись. Ну не чудо ли, что и для самой Марфы Алексеевны есть

теплая сторона, которой она и имя знает, — «Самара» — волшебная сказка!

За синей речкой Андомой, если протопотать по бревенчатому мосту, — еще деревня, слывет Маковская. Ряд домов вдоль берега, у подножия кряжа. Под крутояром, зеленым буяном, — луг, усыпанный ромашками. Зашли к Андрею Ивановичу Мосягину. Ему без трех лет сто. И он тоже назвал своими предками беглых солдат. Оживился дедушко, «воспомяная» молодость: «Раньше парень деву повернет на беседе — лампы изгаснут, как в белый день. Потому — словно жар горит на деве старинный наряд-покрут. Шитье золотое, жемчуг. А парни какие были! Вот, жил в Салмозере Ваня Дуров. Лес возил с казенной лесной дачи, тайком. А чтобы сбить со следа лесную стражу, возьмет лошадь на закорки да на делянку-то и принесет.

Был еще, — продолжал Андрей Иванович, — Быков Пеша. Поднимал он 25 пудов весу, работая крючником на канале. На лопаревском мукомольном заводе служил — тут по 3—4 мешка клал себе на крошни. Небуявый, тихий. Как, понимаешь, большая собака. И сыновья тихие, но пожиже отца. Силач Вася Пустовский (родом из деревни Ломановой) суда грузил. Тоже был силач хороший. С нами в молодости были друзья не разлей вода... одну коровенку на паях держали: зад доили, перед во щах варили!»

Неподалеку от столетнего весельчака Мосягина обитает Павла Венедиктовна Никольская, старая учительница из поповен. Это особый, изредка встречаемый нами тип деревенской интеллигенции. Одинока. Струятся вокруг нее кошки. В доме затхлый, спертый воздух, наглухо закрыты окна, да и дверь, судя по всему, не слишком часто открывается. «Интеллигентность» хозяйки дает о себе знать разве что старой-престарой подшивкой «Огонька» на пустой этажерке. Иных книг нет. Глаза у хозяйки тусклые. Голос не весьма одобрительный. Ничего не знает о здешней старине, истории, о преждебывших людях не слышывала, хоть прожила долгий век. «Некогда было!»

И все-таки нашли мы здесь, в Андомском древнем Погосте, рассказчика, о котором долго будем вспоминать. Это 80-летний Павел Михайлович Симонов. И он, как многие, повествовал нам об основателях селения Белая Сельга близ его родимой деревушки, Югозера. Но это были не дезертиры, а страшные разбойники Череп и Локоть вместе со своей шайкой, состоявшей из 25 человек. Уйдут мужики в леса — пожару рубить, лесные нивы готовить, — и тут разбойники придут, старых да малых побьют, дома сожгут, а добро прочь унесут. К себе за косогоры, на Белую Сельгу.

«Кончилось у мужиков терпение, — рассказывает Павел Михайлович. — Сговорились всей деревней, пошли на Белую Сельгу. Согнали этих ухорезов в озеро... Атаман долго плавал, Череп! И не тонул, и ружей не боялся: пули рукой ловил — колдун был. Тогда

один наш деревенский догадался. Взял не свинцовую пулю — свинцовые-то Череп заговаривал! — а положил в ствол «кокосову пулю»! И на кокосову пулю у Череп власти не было, убили его...

Рассказал дедушко Симонов о родовом кладе, который целую деревушку Симоново в прежние времена от несчастий спасал: помогал подати платить, детищ питать. Он на то и дан им был, драгоценный клад, чтобы царевы налоги отдавать, управляться. Но единственный человек, кому клад «давался», был старый-престарый старик. И вот «заумирал» дедушко. Кажет ближним за околенику, а сказать ничего не в силах. Так и унес с собой тайну. Убежал клад «курушкой — перья, словно золотые копеечки». Да в крапиву. Боле не видели.

И сам Павел Михайлович, наследник богатого клада, куда как хорош, колоритен. Бородушка широкая. Глубоко спрятаны в глазницах синим-синие глаза. Рот смеющийся — подковкой. Не то античный фавн, не то глиняный расписной каргопольский полкан. Пришел он из-за лесов на Андому — и всю «родову» привел! — давно. Чуть было не во времена роковой потери зачарованного клада. Построился, вырастил детей и внуков. И вот — зрит правнуков. «Ноне управляемся и без старобытного клада...»

После встречи с дедушкой Симоновым стало нам везти — будто «курушка в золотых копеечках» начала помогать. Интереснейшая встреча состоялась с пастухом Федором Матвеевичем Юрышевым, 72 лет, да с его женой, Евфросиньей Тарасовной. Пастух — крепкий, веселый ярославец, хотя еще недавно, говорят, такой ли был — ого, молодец! Не сломило, но подломило Федора Матвеевича несчастье. И не то горько, что дом сгорел, а то, что подожгли, знает, ближние соседи. Отстроился опять. Навел на избу прежнюю красу резьбой. Вместе со старушкой пасли из года в год деревенское немалое стадо. Но в этом году бабушка Евфросинья впервые не вышла в поле: нянчит внучат, этого никому не доверишь.

Дедушка Юрышев подробно рассказал о том, как делают из осины, выдалбливают пастушескую трубу (в Пудожском крае она из можжевельника). И как с присловьями, потайно закладывают внутрь текст пастушеского заговора-«отпуска». После того туго-натуго обернут горячей берестой тяжелый, согнутый петлеобразно и заверченный широким раструбом инструмент. Кроме такой трубы, еще недавно были здесь в ходу рожки. Рассказы о пастушеских трубах, рожках, трещотках, о пастушеских же обычаях, обрядах, тексты «отпусков» — своеобразных договоров с лешим, со всеми силами природы — усердно записываем на магнитофон. В свой черед, может быть, дойдут руки и до этого материала. Пусть лежит в архиве Карельского филиала Академии наук...

Хорошо на сердце, когда день ото дня прибавляется в рюкзаке исписанных кассет, аккуратно надписанных Нилиной рукой. Все больше начинаем входить во вкус. Вновь предания о Петре II Теперь

они записаны от деда Анатолия Михайловича Бурлова. Ему помогала вспоминать-сказывать жена его, Евдокия Яковлевна. Впрочем, какой же он дед, Анатолий-то Михайлович! Только с 1915 года. Еще и шестидесяти нет. У него семеро ребятишек. Родом Анатолий Михайлович из Тотемского района — вот куда мы издавна хотели попасть, да не случилось! Интеллигентен, брит. Главный бухгалтер орс. От впервые встреченного нами тотемца записываем предания «Петр I в Тотме», «Лось-камень», «Вытегоры-камзольники», «Царь-силач», «Петр I и новобранец», охотничьи рассказы. И наконец-то вновь слышим рассказ о нашем любимом герое прежде слышанных народных преданий — об архангелогородце Иване Лобанове, славном силаче и впоследствии известном цирковом борце:

— Строили дорогу по болотинам, забивали сваи через копер сорокапудовой чугунной бабой. Прибился к артели молодой паренек: «Возьмите на работу». Не взяли — он и рассердился. Схватил эту чугунную бабу за кольцо, да и унес, как чайник, в чапорыжники туда. Вот артель пришла к копру после обеда — бабы нету, нечем сваи бить...

— Ладно! — мужики говорят. — Видим, сильный очень. Ставь четверть вина и становись с нами. Как зовут?

— А вот буде купите ведро вина, принесу бабу и встану с вами! Зовите Иван Лобанов!

Набежал на нашу беседу улыбчивый старичок Константин Федорович Пяревский, 1902 года, местный, грамотный. Быстро сообразил, что нам надо. Поведал предания бурлаков Марининского канала о пиратах, промышлявших на Собачьих Пролазах и там же, где-то возле села Шестова, обитавших. О том, как встречали деды-прадеды, старинные вытегоры, государя Петра I: «Камзол у него украли, нашли себе лазоревых колпаков, ах-ха-ха! Не мешай, не тенькайся, душа моя, золотой колосок! Дай про Осударя людям рассказать, им надо: в книгу впишут!»

Вновь и вновь удивляемся, как скоро проникаются нашими заботами крестьяне. Никто ведь не отмахнулся: мол, не до вас, не до сказок. Опять «идут» к нам рассказы о лесных разбойниках и об озерных татях. Ночью «на канаве» потиху подберутся пираты. Продырявят барку здоровенным коловоротом-буравом плотницким да, помолясь, и спать лягут. А наутро не слишком рано и придут к хозяину барки артелью — тащить из «прогрузшего» судна мешки с хлебом, — эти не шибко тяжелые, только корка сырая, внутри суха мук! А вот кули с сахаром, солью — эти тяжелы. И вытаскивать их надо скоро-наскоро, ходом! Тут хозяин не рядится, хоть что-то спасти!

Такая артель, — поныне помнят на Марининке и в ближних, а то и в дальних селах, откуда ходили «на тягу» бурлаки, — состояла из 12—15 человек. Называлась ватагой. Делилась ватага на горбачей и

выставщиков. Выбирали ватажные гулеваны старосту, атамана. Выставщики подают мешки на «выставку», «печку». Это массивный плот, деревянный щит — два аршина в квадрате. Горбачи подхватят куль с выставки и — на берег. Подрядчик через старосту-атамана выдает ватажникам аванс. По окончании работы следует полный расчет. И тут «спасатели» примутся «дуван дуванить», делить выручку.

Дело выгодное! Бурлак заработает в день рубль. С конем «путинный» выручит от силы полтора рубля. А в спасателях на каждого «водолаза» иной раз и по пять-шесть рублей в день придется-получится. Подрядчик, конечно, возьмет с артели свой пай, атаман — два пая. Подмокшее жито, чай, другие товары артельные купят у хозяина за полцены. Высушат — продадут. О таком фарте много рассказов живет здесь поныне. Рассказчики, грешным делом, подозревали в ночном разбое многих внезапно разбогатевших «на канаве» крестьян, ставших торговцами или предпринимателями. Особенно достается Лопаревым.

Вновь идем по селу — и попадаем в гости к прелестному, застенчивому Александру Ивановичу Лукичеву. Ему уже под восемьдесят, был когда-то директором местного леспромхоза. У него две дочери. Одна из них — Галина Александровна Храмова, местная учительница, — поведала нам редкостную легенду о святых Петре и Павле, вернее, ее поздний отзвук: «В деревне Лебяжье, где родился наш отец, есть кладбище. Мы ребяташками бегали туда для интереса. И я спросила у взрослых: «Почему здесь оказался этот большой отполированный камень?». И старые люди рассказали, что на этом камне в старину святые апостолы Петр и Павел переезжали через Айнозеро. Возле этого чудесного камня и построили часовню первым апостолам, ученикам Христа...»

Табунились возле стола внуки, самая юная лукичевская поросль. Один из них кудреванко, вроде нашего Максимчика. Как-то он там, в далеком Полесье, колыбели восточного славянства? Кем-то вырастет сын при таких бродягах-родителях — из экспедиции в экспедицию... Пили мы у Лукичевых парное молоко. Ели пироги с морковкой. И к обеду приглашены. Александр Иванович рассказал предание об основании своей деревни, Лебяжье, за лесным Югозером. За каждым рассказом — дали — пространство времен, лесов.

От зари до зари беседуем со стариками и молодыми. Повздились останавливать людей на улицах и в магазине, а то и просто — шашь в избу! Преданий, конечно, меньше, чем в Карелии, но все же и тут мы — с добычей. Вот на лесной полянке косит сено семидесятишестилетний Михаил Васильевич Дружинин. С полуслова понял, чего нам надо. Тут же, под кустышком, «воспоминает» слышанное в далекой юности. Рассказывает предания о «панах», приходивших и сюда в далекое Смутное время, после разгрома Лжедмитрия под Москвой, а также о силачах, деревенских богатырях. И вновь — о Петре I, о

котором, видно, придется написать цикл сказов: собранный материал к тому обязывает! Люди доверяют нам древние памяти дедов-прадедов, доселе никем не собранные. Даст Бог, выйдут научные и популярные сборники преданий. В них будут не только тексты, но и имена рассказчиков, данные о них, будет запечатлена память. Обещаем собеседникам: в фонотеке нашего Института языка, литературы и истории будут сохранены их живые голоса. И внуки-правнуки, самые отдаленные потомки смогут их услышать и через много-много лет. Все-таки делаем большое дело. Это ободряет, придает силы.

Пора уезжать из Андомского Погоста. А тут как раз нам и «запоровилось»! Понравился и «варовой», «крутой» здешний говорок. «Ах ты, колота посуда! — ругает старушка свою коровенку, залезшую в потраву — за косой забор. — Ах ты, брязга упрямая, несоветимая!» Поймали, записали на лету поговорку: «Плох конь, коль не скачет, плох мужик, коль плачет!».

Прощаемся с речкой. Хороша Андома — с плотным песчаным «золотым доньшком». С мостом бревенчатым на старобытных ряжах. И носится по реке местный спортсмен на водных лыжах, уцепившись легким тросом за моторку, распугивает детвору в купальне-«лягушатнике». Сидим на бревнышке, глядим напоследок на реку. Подошел нездешнего обличья здоровенный дядя, досиня загорелый меланхолик-южанин. Назвался было молдаванином. При дальнейшем разговоре выяснилось: вообще-то он из бригады лесорубов-болгар. Приехал из Одесской области. Обижен, как дитя. Продал андомцу шитую кожными узорами меховую безрукавку, а денег никак не получит. И одежду не отдадут лукавые северяне!

Мы и не знали! Оказывается, на границе Молдавии и Украины, в Одесской области, есть болгарский Болградский район, в нем — славное большое село Огородное. Оттуда он и приехал, Иван Кириллович Миньковский. Разговорились мы неутолимо с Иваном о тамошних его родных песнях, обычаях, преданиях. Одесские болгары помнят: пустила их на эти земли Екатерина II, спасая славян во времена турецкого господства на Балканах. А старинные песни не помнить — себе врагом быть...

И вот мы в этнографическом упоении потопали вслед за болгаринном, куда-то долго ехали на локомотиве по узкоколейке — в гости к экзотическим болгарам! Пришли в общежитие лесорубов — стоящий на опушке разоренного леса барак. Иван вытащил из-под своей койки сундучок, а из него — сказочной красоты дубленую, с аппликациями душегрею, будто сейчас из Родопских гор, из давних-давних веков, времен Косова поля...

Притоптал к нам другой болгарин, Петр Петрович Иванов. Пожилой, необыкновенно добродушный, улыбчивый. Толстый нос розов, как у младенца. Махнул рукой: мол, нос моложе меня! Когда-то отморозил — кожа выросла новая! Побывал ведь в сибирских лагерях

ни за что ни про что, сказали — «буржуазный националист!» На Колыме прославился необычайными огурцами. Разводил их в теплицах, поставленных прямо на вечную мерзлоту. Третий болгарин вернулся с работы. И опять — совсем другой. Валентин — подтянутый по-военному, симпатичный юноша с лицом прямо с фаумской дощечки — с той, где юноша-грек времен Христа увенчан золотым венком поэта.

Много хорошего говорили в андомском лесу эти люди о своей маленькой «русской Болгарии». О ее песнях, садах и вышивках. Надо бы собраться поехать — приглашают! — все это увидеть: и старое дерево грецкого ореха во дворе у Петра Петровича, и мастерицу, делающую национальную болгарскую одежду, женку Ивана Кирилловича! И вина испить, которое зреет в подвалах дома у Валентина. Размечтались, как та старушка, что рассказывала нам о сказочном путешествии Хари и Харлама в неведомую теплую сторону Самару!

А из прионежского леса так тягуче, мечтательно тянуло разомлевшей под солнышком малиной...

V. Саминский Погост

Раннее утро... Да какое там раннее! Народушко уж вовсю работает на полях, пожнях. Сенокос! Впереди, в чуть сглаженных холмах, в клочьях тумана лежит, посверкивая сединой срубов, деревня. Оседают надоедая пыль после заполошно промчавшегося лесовоза.

Встречаясь с неведомым прежде селом, видим нежданно-негаданно: из-за хаоса крыш, труб, телеграфных столбов строго, стремительно вздымается к небу шатер рубленой церкви. Саминская церковь принадлежит к храмам прионежского типа: последовательно прирублены квадратные в плане клетки — разномерные трапезная, собственно церковь, алтарный прируб. На восьмерик центрального сруба водружен высокий восьмигранный сруб с двойными расширениями-повалами, что сразу указывает и на почтенный возраст строения. На нем — тяжелый шатер с хорошей формы главкой-луковичкой. Над трапезной — невысокая сквозистая звонничка под шатериком.

Только в этой звонничке отличие силуэта Саминского храма от облика таких шедевров, как, скажем, церковь у нас на Лычном острове, посвященная святым апостолам Петру и Павлу, Успенский храм в Кондопоге. Но и там, известно, такие звоннички были, но убраны реставраторами. И вот что удивительно: в отличие от своих знаменитых сестер в Типиницах ли, в Яндомозере здешняя церковь практически неизвестна, «живет без всякой славы» на юго-восточной периферии ареала распространения храмов прионежского типа. Мы вернемся к Саминскому чуду, рассмотрим подробнее...

Посидели на ветхом крылечке закрытого еще сельсовета. Надо ведь предъявиться советской власти. А главное — узнать, как тут насчет «знатких» людей. И не обязательно старых! Иногда рассказывают и предания, и былички даже школьники. Душевная склонность нужна и важна, а не возраст. Полюбовались на досуге церковью. Окрестности живописные. Все обозримо на речке Самине, северном притоке Андомы. Под ногами сплывают небоязливые овцы, ягнята. Близко поблескивает речка. Кудрявая зелень уходит в дремуче-разбойные, сказочные лога меж холмами. А там, высоко на сельге-ветродуе, виднеются деревушки — словно игрушечные селения на сказочном ките. Здесь их так и называют — «деревни на горах». И чуть манерно горбатится деревянный мост.

И все же не можем отвлечься от неожиданного подарка — видения шатрового рубленого храма! Для нас это прямо-таки открытие, а ведь мы давно интересуемся севернорусским деревянным зодчеством. Хотя на бревенчатой, обшитой тесом плоти храма голубела табличка: «Церковь охраняется как памятник архитектуры», имя ее не встречается в специальной литературе. Читаем охранную доску.

Итак, эта шатровая высотная постройка датирована 1692 годом. Стало быть, ровесница упомянутому нами храму на Лычном острове. Церковь освящена во имя святого пророка Илии. Саминский памятник производит впечатление излишне причудливого — из-за ротонды-звонницы, поздней, внестилевой. На восьмерике — двойное расширение — повалы. Над алтарным прирубом вместо знакомой нам (по Успенской Кондопожской или, скажем, Покровской церкви в Кижах) бочечной кровли — двухъярусная кровля. Такая, как над часовней Михаила Архангела из Леликозера (ныне в Кижской коллекции). Крыльца церкви расположены перпендикулярно продольной ее оси. Марши лестниц, положенные на валики («тетивы», «струны»), смотрят на север и юг.

А резьба причелин — тесин, прикрывающих концы слег крыши, обрамляющих «чело», — декоративный фронтоны! Здесь, на Саминском храме, это не круглые розетки, знакомые нам по памятникам деревянного зодчества Русского Севера, а условные изображения голов крутовыйных коней, которые связаны в народной орнаментике с культом красна солнышка. Что-то не помним этого мотива на причелинах. Хотя на «коньках» кровель северных строений можно встретить его столь же часто, как и на старинной вышивке красным льном по белому холсту.

При всех оригинальных особенностях декора, отдельных его частей, Саминская церковь — типичная, выстроенная так называемым «кораблем», прионежского, как уже говорилось, типа. Даже следы узорного аркатурного пояса, обнимающего восьмерик, приметны. Внутри восьмерика, под обшивкой, видны следы врубок — «потоков», на которых некогда крепился этот аркатурный пояс, так назы-

ваемая «сорока». Но следов внутренней кровли, из которой выводятся «потоки», обнаружить нам не удалось.

Есть и еще одно достоинство у церкви в Самино. Ведь здесь, в отличие от множества других храмов Прионежья, сохранилось расписное «небо» — сегменты иконописи. В целости и иконостас. Правда, и то и другое наспех заляпано белой, голубой краской. Известно и имя человека, производившего эти «малярные работы», — Михаил Ефимович Старков, 1912 года рождения.

Говорят, в 1954 году велено было ему, местному завклубом, иконы снять, уничтожить, иконостас забрать тесом. Чтобы, значит, можно было в этой церкви танцевать, лекции читать и кино показывать. Но ведь тес дорог! Михаил Ефимович закрасил иконы. И теперь еще из-под голубой краски видны ковчеги старинных иконных досок. Да ведь зато в его суровое к народной красоте время сохранил Старков богатство — иконостас и расписное «небо» с крылатыми архангелами, Господом Саваофом в центре! Снять краску ничего не стоит. Только бы руки дошли!

Все это порассказала нам Мария Ивановна Фешенкова, нынешняя сторожиха «памятника деревянного зодчества». Женщина, почему-то не имеющая обыкновения смотреть собеседнику в глаза. «Года два тому назад, — говорила она, страдая от необходимости общаться с новыми посетителями, — ночевали в церкви туристы. И, как водится, унесли «на память» икону. Часть иконописи сдана не так давно в Вытегорский музей. Ну еще сорваны царские ворота, сами видите. Обрушена резьба с иконостаса. Не дачу ли кто изукрасил...» А что она, слабая женщина, может сделать с ворами? Жаль и сожестно, а ведь ничего не поделаешь, пока власть всерьез не поможет. Прежняя здешняя «техничка», доподлинно известно, и вовсе, случилось, растапливала печь в сельсовете иконами, золоченой резьбой...

Облазили мы всю церковь. И на чердак трапезной поднялись. И в самый восьмерик церкви. Ободранный кот дико глянул из-за медово-желтой древней балки, с «мявом» скрылся в изогнутой повалом изнанке могучего восьмерика. Вслед за котом-храможителем полезли в объем шатра по вертикальному бревну с набитыми на нем поперечинами. Шатер, оказалось, рублен «в ряж» все уменьшающимися восьмеричками-венцами. Такое видели только в старом Кемском соборе. В Кондопожской церкви, насколько помним, тес настлан на слги каркаса шатра.

Вокруг древнего Саминского храма витают живописные легенды. В этом убедились, начав «собираТЕЛЬскую деятельность». Стоит, мол, церковь на месте святых родников-источников. И вспоминаются известия отцов церкви о том, что ставились капища древних славян у почитаемых «источников вод», а на месте их впоследствии — храмы. Сказывают еще саминцы, что место было топкое, болотистое. Оттого поставили церковь «на столбах», позднее ушедших в землю. И это

тоже старинный обычай — укреплять влажный берег сваями, ставить на них строения. Столбы забивали копром. Известны и храмы, поднятые над твердью сырой, — «на столбах». И вновь записываем легенды о том, как приплыли бревна по Самине-реке, у этого бережка остановились. Указали место построения храма.

Наряду с этим записали и бытовой рассказ-предание о том, как, собираясь поставить храм, на сходе выбрали крестьяне ходока: надо ведь пойти в Новгород, поклониться архиепископу, получить благословение... Собрали мирскому человеку рубль денег, дали вязку лаптей впрок, полотна на онученьки. И пошел он встречу ветру-шелонику — лапотками топ да топ, оборочками на онученьках свись да свись. А чужая сторона — что сухая борона. Был тот мужик, помнят, из ближней деревеньки Ухтозеро. Они, ухтинские, и сроду пройдисветы. Они и на Москву ходили — сказать царю, боярам, что прогнали своим народным множеством поляков-«панов» в далекое Смутное время. И за то будто были освобождены от налогов и солдатчины...

... Ну вот! Дождались наконец и сельсоветское начальство. Первым пришел Павел Васильевич: «Кажется, я покуда председатель!» Рассказал подноготную: не выбрали его односельчане на второй срок, но избранный голова от чести отказался. Пришлось прежнему занять место, чтоб не было пусто. Прибежала на службу и секретарь сельсовета, Зинаида Кирилловна, молодуха лет под пятьдесят. У нее двое взрослых детей, уже семейных, да последышек — девчонка-школьница. Любит Зинаида Кирилловна смеяться-хохотать! Но при этом деликатно прикрывает рот рукой: малость щербат, стесняется. Пригласила поселиться у нее в просторнейшей избе на кряжике. Мы и радехоньки: к решению «жилищного вопроса» еще не приступали!

В деревне познакомились с другой молодухой — Анной Яковлевной Доловых. Хотя, как выяснилось, моложавая эта женщина уже год как на пенсии. «Собираем легенды, предания, рассказы крестьян о жизни... Записываем, кто что помнит о леших, водяных, нечистой силе...» Накинула Анна Яковлевна цветной с кистями платок. Повела нас к соседкам-старушкам, спорядовым, ближним: «Ну-ко, расскажите про чертей-то!»

Те как-то сразу засуетились. Ничего толком рассказать «не змогли». Только о девичьих посиделках-беседах. О мастерах поведали, которые делали девкам прялицы. А вот: жил в Самино токарь, точил веретенца, делал и прялицы с точеными шейками, резные, «баские». Звали Федор Кононович Федькин. В деревне Титово, за рекой, Степан Иванович Петрушкин строгал «кореновые прялицы», «копыл», цельные: «подгузник» у них из корня, лопаска — из ствола того же дерева. Сам и расписывал цветами-«букетами»... «Про них — надо вам?»

Послушала Анна Яковлевна — и шмыг за дверь. А старушки затараторили, таращась с оглядкой за окошко: «Ой, людюшки! Ведь сама она, Анна-то Яковлевна, куда как знаткая! Недаром всю как есть жизнь — на чистой работе — медсестрой была. Ой, она что-то знает-ведает!»

Медсестра-колдунья? Выдумщицы эти саминские бабушки! Да ведь нам таких и надо.

... Ах, как веселешенько поглядывает, похаживает чуть ли не с переплясом ухаженный, чистенький старичок Петр Яковлевич Попов, 1889 года рождения! И он, как и другие здешние «досюльные» дедушки, рассказал нам новое предание о построении Саминской возлюбленной церкви. Умелый печник, Петр Яковлевич знает-помнит обычаи плотницких дружин. Нам, например, не доводилось прежде слышать, что в одно из бревен первого венца, у красного угла, врубалась медная панагия — наперсная иконка. И что под посомки — стены будущей избы — сыпал хозяин по горсти жита-ячменя, чтобы свята, с Богом, сытна и сдружлива была жизнь в доме.

«А печник, — говорит Петр Яковлевич, — заложит в свод печи, меж кирпичей, полено с малым клинышком!» И вспомнился нам дивный обряд дарения «полена» — резного изображения домового. Вроде тех, видно, что находят наши археологи в «культурных слоях» древнего Новгорода. Об этом слышали в прежних наших поездках по многокрасочному памятливому Обонежью, вместе с запомнившимся заговором-пожеланием от мастера хозяину: «Нате-тко полено — вам богатства по колено. Жить вам, богатеть, кунеть и мохнатеть!». «Кунеть» — от древнерусского слова «куна», богатство. Шерстистость всегда была символом всяческого благополучия.

Вытегорский мастер трактует: полено-де он укладывал в свод печи затем, чтобы не водилась в доме нежелательная живность, клопы да тараканы, например, сохли бы по примеру этого поленца! Но это, пожалуй, позднее и приземленное толкование, дело обстояло сложнее: с поленом сближалось представление о домовом, духе, обитающем в печи, в подпечье.

И, как частенько бывает в разговоре с рукомесленным человеком, помнящим старину, звучит рассказ о том, что-де мастер не станет «судибोगи» класть, жалиться. Он, мол, за себя постоит. Не уважил однажды негодный крестьянин старого печного зодчего. Не угостил достойно. И вот тектон выложил свод так, что дрова в просторном зеве печи сгорали аккурат вполовину. Остальные же только шипели да чадили. Опрометью прискакал купчина к мастеру. Ударил ему челом. А не пошел разобиженный печник дело исправлять. Ученика-недоростка прислал. Совет ему шепнул, как сработать. Мальчонко свод разобрал, вновь собрал — все честь по чести, как следует быть. И в красный угол был посажен с великой честью, принял от хозяина почет.

Такие рассказы о плотниках, печниках, пастухах на Русском Севере встречаются часто. Тема-то злободневная: отношения спесивого толстосума с мастером золотые руки... А старичок, наш собеседник, и теперь еще крут бывает с обидчиками. Вот и недавно, рассказывает, была у него встреча с молодым человеком. Тот назвался «писателем из самой Москвы». «Каков из себя? — призадумался и головушку на плечико сронил Петр Яковлевич. — А такой... бела рубашка, нос поклап, темя босо». Путешествующий литератор ночевал у дедушки. И, как и мы, молоко хлебал, ватрушки с картошкой ел. Вот утерся он полотенчиком, да и рассказывает: «Народ у вас тут, в Вытегорье вашем, гляжу, весьма груб! Гордый, прямо скажу, народ!» На что старичок, по его слову, отвечал «круто»: «А нет у нас варового народу — от сорокалетних середовичей до моего году-возрасту! Молодые, вот, как твоя милость, — эти, конечно, случается, грубят!».

И опять нравоучительная, прямо-таки библейская притча. Ехали веселые шофера путем-дорогой, темным лесом. Не остановились, не подвезли старика, идущего суземьем с клюкой, хоть и помахивал он им колпаком. На что дедушко только и сделал, что проворчал добродушно: «Экие, мол, опрокидни!». Нехорошие, мол, не знающие уставу-«вежества»! «И тут же зеленая полуторатонка — с моста да в воду, в зелен ручей!» — торжествующе встопорщил бородку незлой человек дедушко Попов.

А у другого здешнего старика, Александра Савельевича Хлебосолова, которому стукнуло 73 годочка, бородушки нет. Такие лучистые, чистые глаза у старика! И такая памятьливость на предания, легенды! Засиделись мы у него в домике «на горах» за полночь. Тем более, что фамилию свою он оправдал вполне. Его тексты войдут в будущие Нилины научные сборники преданий, быличек и, даст Бог, в российскую словесность. Александр Савельевич — бывший председатель колхоза. Работа в те поры — тяжелая. Времена — грозные. И уйти «некак» — коммунист, партийная дисциплина держит! «Один раз еду с Вытегры — в райкоме так наругали, посадить посулили. А тут, знаете, и выскакивает из-за сухостоины серый волк — живот к хребтине присох: «Савельич! Сильно жрать охота! Сичас тебя схавает!» — «А ешь, нечиста сила! Сам и будешь саминским председателем, боле некому. Мужики на войне побиты!». Дак, знаешь, взвыл от тоя ужасти серый. Скрылся за сырые ельники, за крутые косогоры. Не захотел в председателю шкуру».

Пили чай, смеялись да беседовали. Понемногу выводили Александра Савельевича на «нашу» тематику: на былички да историческую прозу. Мелькнула за палисадом пестренькая крепдешинная косыночка. По крыльцу протоптала, в избу влетела почтальонка. «Как молоденькая! — изумился дед. — Ты пошто экая сегодня, Тоня! Я только добрым людям на пенсиюшку малую пожаловался — а ты и с ведомостью!» — «Ой, спешу, всем прибавка вышла! Теперь

больше получать станете». Принялся дед искать ту особенную ручку, что «с нажимом пишет», которой и всегда расписывается. Доволен Александр Савельевич: вспомнила о стариках власть...

И нам прибавка, подспорье. Развеселившийся дедушко Хлебосолов живо вспомнил и рассказал вариант предания о построении церкви в Самино. И о том «вспомнил», как Великий Петр ладился на всю армию лапти сплести. Издавна интересны нам деревенские прозвища, которые суть не что иное, как тоже предания, пусть и краткие. Жителей одной деревнюшки называют «лесовские пни», оттого что деды их были дезертирами из царской армии. Селились в суземье — глуши лесной. Разрабатывали «нивья», раскорчевывая, выжигая тайгу. А другие тут, в Самине, вековые — на светлом приозерном берегу. Этих называют по имени голымянного ветра — «шелониками». Правда, бывают прозвища и обидные. Есть, к примеру, село Царево. Царевских ни за что ни про что зовут «кошкоедками». Так, смеху ради.

Савельич родился в недалеком селении Лохново. Живет, как уже говорилось, «на горах» в Самино. Этот уголок старинного селения слывет у местных жителей Городком. Рядом — крошечная деревенька Загородная. На былом, истаявшем ныне городище (когда-то, значит, в средневековье, укрепленном городке), работала археологическая экспедиция. Не раз подумаешь: что бы ученым создать комплексную экспедицию, где историки, археологи, фольклористы, топонимисты, специалисты по истории архитектуры и другим смежным областям знания изучили бы край. Вот явно память о каком-то остроге здесь — просвечивает в топонимике, в легендах. А что археологи нашли? Остается в их «епархии».

Четыре забавных былички рассказала нам добрейшая бабушка Александра Филипповна Исакова. Сидит она в своем домике, окруженная внученятами, как пеструшка цыплятами. Все детки — девочки. Филипповне лет этак под девяносто. Прекрасно слышит, беседует желанно. Две рассказанные ею былички — про лешего, одна — про косматого баенника. Напоследок поведала о девичьем гадании: как узнают девы, которой за кем быть. Помнит Александра Филипповна старинный обычай, о нем слышали только у вепсов. Садят молодых за свадебный стол на пуховые подушки, а идут они к венцу — и кидают им колдуны из севатка-лукошка под ноги жаркие уголья. Невеста, желающая узнать-повызнать характер избранника, внезапно брызжет ему холодной водой в лицо. Один заругается, другой не заметит, а третий «в ярь впадет». Ну хоть знать, каков норов! Сундук для приданого делает в подарок невесте жених, своими желательно руками. Особенно хитро сработан замок. Чем дольше невеста его отмыкает, тем шире улыбается жених: добрый знак, не жене верховодить в семейке.

И когда дитя родится, торжественно «знакомят» его с домовым. Обращаются и к «царям земли, моря, леса»: «Благословите, мол, водушки взять, дитя обмыть». Корову приводят впервые на двор — и тут по хребту животного проводят ножом или другим каким железным предметом, ну хоть гвоздем, говоря: «Волк и волчица, синие ваши дети! Не трогайте милую скотинушку. Вокруг моей коровушки ездит светел Егорий Храбрый со златым щитом, серебряным копьем!».

Внучки бабушки Александры ходят дружной стайкой повсюду. За водой — с яркими разноцветными пластмассовыми «бадейками» и, наскучив нашей бесконечной беседой, на дневной сеанс в кино, купаться... Оставшись одни, слышим от Александры Филипповны доверительные рассказы о «деревнюшке на горах», о Городке: было там Лешево городище! Жили лесовики страшные, косматые. Уносили человеческих дев... Сколько доброты, непосредственности в этой старушке, странно напоминающей нам пухлую пшеничную лепешку, — сказочную «мякушку», которая может накормить-напитать огромное семейство... Уходишь из такого дома — сжимается сердце от мысли, что уж больше никогда сюда не вернешься. Вот разве что напишешь что-нибудь, когда-нибудь.

Всякий день дарит удивительные встречи. Опять «притянулись» к сельсовету раным-рано. Пора прощаться. Уезжаем. А на знакомом крылечке сидит, как король на именинах, стройный, высокий старик. Брови косматые, как у врубелевского Пана, древнегреческого лешего, каким его изобразил русский художник. Волосы у старика артистически длинные, спадают на плечи форменной тужурки неизвестного ведомства. Пушистая борода седа. Глаза веселешеньки, приветно и насмешливо синеют из-под широкополой фетровой шляпы, украшенной широкой шелковой лентой. В руках палка-«уразина», «значит, такая, — ласково орекомендовал ее наш новый собеседник, — которая бьет лишь один раз — наверняка!». На сапожных ногах дедушки высокие выворотные сапоги особенного фасона: с наколенниками, как у драгун времен наполеоновских войн. Носили такие сапожищи и русские поморы-зверобои. В Керети, на Карельском берегу Белого моря, называли их улеги!

То ли под разбойника, то ли под пилигрима, ходока по святым местам, «работал» наш новый знакомец, Иван Федорович Елкин. И не ухватишь сразу, не поймешь его, кто таков. Откуда родом? «Весь белый свет прошел! — отвечает уклончиво. — Мне всюду родня — и нигде!» Мнит себя большим правдоискателем: «Правда груба, да Богу любя!». Хранит в наипожибейшем месте — за пазухой! — ворох квитанций: посылает письма в Кремль Косыгину. «Писал и материалисту-философу Василию Белову! — говорит. — Прочитал его статью в отрывном календаре. Но ответа не получил». К персоне своей, видно, любит дедушко-пилигримушко привлечь вни-

мание. Тем немного похож на Ефима Твердова. Через полчаса видим его перед нашим вице-председателем сельсовета — молодецки бьет странник кулачищем по столешнице, требует, чтобы ему посодействовали в покупке дома в этом именно селе, на речке Самине. Ага, все-таки деды-прадеды его жили здесь, в Царево. Кошкоедами, стало быть, слыли? А теперь проживает где-то в Приазовье. Но там его забижают те, что ходят в «тюбетейках без козырьков». Ну, что это за смутно слышащиеся время от времени разговоры об обидах, наносимых нашему брату-русаку то на одной окраине, то на другой? Никогда, нигде мы не испытывали этого, сколько ни ездили по белу свету — пространной державе...

Пытаемся разговорить странного старика, вышедшего с грохотом из сельсовета. «Чем я занимался в жизни? — переспросил, сводя картинные брови. — Заведовал своим свободным временем! А вот вы так пустяками занимаетесь! Про российскую историю надо у Карамзина читать, а не у здешних дураков спрашивать!» Опять ругает крючкотворство, распоселившееся, по его мнению, от залесного сельсовета до Кремля: «Ах они, стенки необструганные, красные кирпичи!» Намекает на какие-то свои «лукавохитростные» обстоятельства: «А я такой причудный!» И тут же начинает вовсе завираться, на свой лад трактуя библейские сюжеты. Отчего нам в конце концов пришлось руками развести, прочь сойти...

Нет. По нам все-таки куда лучше наши простодушные старички-старушки, деревенские жители, век свой трудившиеся здесь, в зале-сье, чем такой проидисвет с уразиной!

* * *

И вот уезжаем из Самино! Села многоликого, пестрого от населивших его людей из залесных деревень. Хорошо это или плохо, что опустели древние селения, будут понемногу забываться имена их, не говоря о прозваниях основателей — легендарных новгородцев, казаков, «черкасов» и «панов» — украинцев и поляков периода Смутного времени, которых тоже числят в основателях иных селений, солдат-дезертиров и староверов? Плохо, конечно... Но вот — люди прижились на новом месте. Дети ходят в школу. Старики получают медицинскую помощь. И у этого своя правда есть...

Уезжая, вспоминаем здешнее древнее Сорокаполье и новенький поселок Октябрьский. Чудесные по местоположению, пограничные с нашей Пудогой. И близко — пять километров от Самино к северу. Мы туда пешком ходили. Там поразила речка, странно чуждая новому людскому поселению. Обычно ведь мы, северяне, обживаем бережок. А в Октябрьском — ни лавы-пристани, ни малой лодочки. Заросла река белыми кувшинками, как какая-нибудь дикая ламбушка далеко на севере. Почему люди чураются реки? Загадка.

Идем по поселку. Видим украшенный резьбой, ухоженный дом за палисадом. В окне, окаймленном изукрашенным кружевным наличником, — прекрасная девушка, почти девочка, того типа, какими любят изображать сказочных царевен Иван Билибин, Виктор Васнецов. Не застали мы того, к кому шли-бежали, — мастера-столяра Ивана Егоровича Алешкина, в этих краях человека известного, одобряемого. Но, тихо пройдя по приглашению юной хозяйки в горницу, полюбовались нарядной мебелью, сработанной Иваном Егоровичем. И почему-то так и не спросили, как девочку эту лет четырнадцать зовут! Сделались перед таким видением шибко застенчивыми. Вообще, в Вытегорье встречается немало дев чудной русской красоты. Приедем сюда, когда наш сын вырастет, — невесту высматривать!

С грустью и радостью возвращаемся в нашу зеленую Вытегру. Часть экспедиции — ее северо-восточный маршрут — пройден. И как будто не напрасно.

* * *

Серебрятся за окном автобуса старинные погосты — бывшие центры деревенских округ. Взмолескивают под низким сереньким небушком усталые сплавные реки. Устремляются вдаль, в краткие путешествия цветные локомотивы узкоколеек. И зеленые стога величественно, словно башни Великой Китайской стены, цепочкой переливаются с одного косогора на другой. Оттуда — за длинную сельгу. Взабираются на круглый холм-глядень, затянутый легкой синевой отдаления. Воздух насыщен электричеством. Все собирается — собраться не может гроза.

Все было ладно. Да слишком много пыли. Особенно от встречных-поперечных лесовозов, волочащих тяжелые сосновые хлысты. Навстречу вздымается грозная иссиня-черная туча. Из-под нее повевает влажной прохладой. Воздух начинает будто даже потрескивать, издавая уже погромыхивает.

Только соступили с автобуса в городе — увидели плакат: в здешнем парке состоится вечер «Обряды, обычаи прошлого». Обосновались в гостинице. Поужинали в ресторане — в гостях хорошо, а в общепите лучше! Прошла скорая изобильная гроза, отсверкала молниями, отшумела ливнем. Пронзительно запахло тополевой листвой в милом городке. Побежали крутой улочкой от гостиницы новенькой вниз, в Парк культуры и отдыха. Вечер ведь аккурат по нашей части. Мы прямо из глубокой старины прикатили на рейсовом автобусе!

Парк — на холмах над рекой. Там, знаем, можно полюбоваться на самый что ни на есть настоящий шлюз старинной Маринки, живой экспонат. Про него встреченный нами старый водник сказал: «Эти шлюзы-ящики не плотники делали — бондари! Вода в них щелочки не находила!». Инженерное сооружение чуть ли не петровских времен. Молодцы вытегоры, что сохранили! Берега укреплены то

стоймя вбитыми сваями, то срубами-посомками из венцов бревен, привычными северным плотникам четвериками. Над руинами прадедовских гидротехнических сооружений — удивительной красоты старые деревья — сосны и липы, орошенные долгожданным дождем.

Под крутояром — открытая эстрада. Перед ней — ряды мокрых скамей. Над падугами из простуженного рупора громкоговорителя воет джаз, «как обманутая дева». Девять часов вечера. Народу, что называется, ни души, только мы сам-друг. Минут через пятнадцать пришла красивая докладчица, сотрудница местного музея, Маргарита Петровна Дмитриева. И маленького сыночка за ручку привела. Подошел пухловатый, словно спросонья, молодой человек в красном свитере и в еще модном в этих краях болоньевом плаще. Две чинные старушки, смотрительницы парка, сели рядышком. Принялись щебетать, будто век не видались. Мы помогли докладчице стащить поближе к публике крашеную «под дуб» трибуну. Наконец смолкла вездесущая «радиофикация». Сгущалась, синела сутемнь: все-таки дело к августу!

Неподалеку гомонили местные парни — дожидались обещанных после доклада танцев. Того же ждала, коротала время девчушка, уткнувшаяся носиком в книжку прямо напротив докладчицы. Маргарита Петровна скороговоркой сообщила аудитории разрозненные факты из истории края. Прочитала прекрасные образцы фольклорных заговоров — чистейшая языческая поэзия! Но эти тексты произвели впечатление только на флегматичного доселе ничейного пса. Барбос начал подвывать ритмичным древним словам об острове Буяне, стреле-молонье, о золотом ключе, «роненом» во сине море.

Была организована и выставка вышивки, кружевоплетения, узорного крестьянского ткачества — просто дивного. Ведь эти места славятся кружевами «сцепкой», в былые времена производившими фурор на международных выставках в европейских столицах. Сочувствуя докладчице, — мы-то видим, сколько сил затрачено на подготовку доклада! — жалеем, что народу, мягко говоря, мало. А тут еще недавний дождь... Пухлый парень торжественно поставил в путевку общества «Знание» усталой Маргарите Петровне лестный отзыв о проведенном мероприятии. И число присутствующих снисходительно отметил — 48 человек! Ну кому нужна эта «липа» вековая! Ох, когда-нибудь отзовется оно нам, всеобщее взаимное вранье! Так бы и написал: 4 человека... Другой раз отнеслись бы к организации безусловно нужного мероприятия обстоятельнее.

На другой день заглянули, как водится, в отдел культуры райсовета. Заведует культурой в Вытегорье Вера Михайловна Резниченко. «Охрана памятников? Ограничиваемся содержанием сторожей. Ну что еще можем сделать? На реставрацию денег нет... Сгорела вот всесветно знаменитая Покровская Анхимовская церковь, старшая сестра многоглавого Кижского собора, иные — ограблены... Кто же в

сторожа пойдет, на мизерную зарплату? Только старички, на иную работу не годные. Народные хоры? Фольклорных коллективов в районе нет. Есть самодеятельность интеллигенции — учителя, врачи народ организованный и безотказный. А пожилые люди, которые помнят старинные песни, не охвачены».

В чужой монастырь со своим уставом ходить — дело распоследнее. Но поневоле подумаешь: сильно поругиваем наших, карельских, культработников. Но ведь у нас почти при каждом профсоюзном клубе, а в доме культуры — обязательно! — народные хоры, фольклорные коллективы работают, а то и театры, самодеятельные музеи — этих не сосчитать. Тут и возомнишь о земляках: энтузиасты зело!

Опять немного записали в Вытегре: вновь встретились с памятью о Петре Великом, о его пребывании в этих местах — неоднократно, в том числе и во время похода 1702 года, когда через Вологодчину, Архангельские земли и Белое море вышел «Осударь» на знаменитую свою дорогу. Прошел с кораблями и гвардией на Онего, потом Свирю — на Ладогу. И победоносным ударом по Шлиссельбургу, древнему Орешку, захваченному шведами, открыл счет победам в Северной войне. Вот об этом бы написать. За малым дело стало: найти рассказчиков. И записать от них, что сохранилось...

И тут наши надежды на старинное Анхимово! Замечено: где стоял или поныне стоит значительный памятник архитектуры, — там и устная поэзия, проза живут. Ведь фольклор един во многих своих проявлениях — архитектурный ли он, танцевальный или изустный...

VI. Анхимово

Теперь мы движемся на юг, вдоль бывлой Маринки, нынешнего Волго-Балта. Важнейшей, как говорится, водной артерией Северо-Запада. Село Анхимово — в семи верстах от Вытегры. Отличная дорога начинается в районной столице улицей под названием Архангельский тракт. Старинным торговым путем, слывшим в древности, лет этак четыреста тому назад, Гостин Немецким волоком. Да еще раньше варяги-шведы выходили этим водным путем на Волгу. Оттуда — в Среднюю Азию и чуть ли не в Багдад, Индию!

Это там, за селом с чарующим наш слух именем — Анхимово, знаменитые Девятины и Шестово, село речных лодманов и бурлаков, с недалёкими оттуда Собачьими Пролазами, узкостями на «канаве», где, как мы всюду тут исправно слышим вновь и вновь, лихие люди грабили, «имали» купцов, просто дорожных людей. Еще и нынешние дедушки «хорошоохонько помнят»: по здешнему берегу надо во всю мочь гнать коней. И «коренной» — мужик на борту барки, который руководит тягловыми людьми, бурлаками или погонщиками коней, зорко глядит и на берег. И темной ночью особенно зоркий зрит, что-

бы не подобрался тати, не пробуравили борт. Ведь у иных здешних жителей такой же старинный промысел, как лоцманский или бурлацкий, — речное пиратство!

С такого «канавного» злодейства числили богатство некоторых семейств, их купеческий успех. Отсюда начиналось их «первоначальное накопление» — «с трудов праведных не наживешь палат каменных». Вот, к примеру, вечный босяк изловчился — стянул с барки ящик духмяного цейлонского чаю. И принялся, бают, ходить по деревням и селам, починкам и малым выселкам. Продавал крестьянам драгоценный чай щепотками — на заварку! Где за медные деньги, а где — за прястьень пряжи, кусок холста. И разжился понемногу, пустив денежки в оборот. Открыл сперва лавочку, потом магазин. Стал, по преданию, родоначальником знаменитых здесь богачей Лопаревых.

С этим именем нередко связывают строительство Покровской двадцатипятиглавой церкви. Еще в середине XIX века А. Ф. Лопарев, вытегорский торгующий крестьянин, «постоянно обращал внимание на поддержку Покровской церкви, не жалея на то средств своих», — читаем в периодике того времени. Храм же возведен в самом начале XVIII века, за несколько лет до освящения ныне прославленного Кижского Спаса. Живописный облик этого храма впечатлял «вытегоров», вдохновлял на создание преданий о его возникновении. При этом появляется и еще один «строитель чудотворный» — крестьянин по фамилии Плотников. Сведенные нами воедино, в литературный сказ, предания эти могут выглядеть так.

* * *

Сказ третий. Осударева вина

Иные скажут: когда Великий Петр этими местами шел, крестьяне загодя про то знали, на своих пьяниц глядячи. Тогда ведь по деревням мало пили. Не то, что ноне. Пьянтос был вроде дурака деревенского. Его жалели, но за человека не считали. А теперь их, вон-то диво, женят. И девы за них идут! Ну, и плодятся они, весело умножаются.

В прежнюю пору, когда Осударь бывал, ярыги кабацкие по придорожным кабакам жили-жировали, своей, знаешь, компанией. Вроде бомжей нынешних. И они Осударя ужасались, чуя скорую над собой расправу. Загодя по подпольям прятались! По банькам, по ригачам разбегались рысцущим поскоком. Под половиченки забивались, под сосновы десничины.

От царевых слуг, конечно, и нам худо приходилось... падедушкам нашим! Тем, что и наовсе без вины, без вина. Вот дай, расскажу!

Через эти места — путь из Вологды в Архангельский город, к Белому морю. Старинный почтовый тракт, торговая дорога. Ехал

Покровская церковь. Село Анхимово.

здесь Петр. Впереди, конечно, по уставу — квартирьер скакал. В Анхимове глянул, где бы, мол, ему на постой встать, цареву свиту распоселить! Видит: стоят хоромы просторные, двухжирные. На два, значит, жилья-этажа, по-городскому сказать. Крылечико переное. Наличники со ставенками. Очелья с прибасенками. Все честь по чести. Коттедж! Квартирьер и заскочил на бревенчатый взвоз, по которому сено на сарай завозят. С высокого седла в околенику стучится:

— Так что, хозяйева, — царь едет! Освобождайте дом.

— У нас отец в извозе — ямшину гоняет! — встал вопреки цареву слуге крестьянский сын Плотников. — Нам некому слова сказать, велеть. А тебя — не знаем.

— И скот со двора — вон! Осударевы кони стоять будут, — квартирьер свою службу исполняет. Ему, конечно, надо ведь под жилье, военный постой место найти. И фураж. Сам в драгунах бывал, знаю.

— Нас двадцать пять душ. Куда пойдем! — парень не хочет и дверей отворить. Здесь ведь у нас какой народ? Каждый сам себе барин. Помещиков-господ сроду не выдывали. А сержант Щепотев, царский квартирьер, и не залюбил. Горяч бывал. Говорят: крестьянскому сыну напрочь головушку тесаком снес...

Встречает сержант Петра в Анхимове там. Докладывает все при всем: «Тут тебе, Осударь, постоем встать будет гораздо хорошо!»

— Пошто парня сгубил? — Петру уж ведомо. — Людей со своего угла согнал, разорил. Ну, где, Михайла, твоя правда!

Он и в избу не зашел. Велел на берегу палатки-шатерики становить. И не долго здесь ночевал, станом стоял. Его забота дале гнала. Ведь тогда была война со шведом. А на том берегу, где Петрово войско лагерем стояло, по-над рекой Вытегрой, срубил старик Плотников церковь о двадцати пяти главах. Таковой в наших местах допрежь не бывало. Кижский двадцатидвухглавый собор уж потом срубили, там, за Онего. Старики сказывали, что сам Великий Петр план начертил: «Делайте так вот и так! В память о крестьянском сыне Плотникове, моей царской вине».

Это исторический памятник был. Храм, говорили, всесоюзного значения. Теперь, правда, сожгли мазурики.

* * *

Может быть, удастся записать и еще что-нибудь о Петре, о жизни «на канаве» и в долгожданном Анхимове, для нас воистину легендарном. Хочется взглянуть на берег, где некогда стояла многоглавая церковь. На пути из города в Анхимово раньше можно было видеть и петровскую «беседную часовню», покрытую кружевом декора. Часовня была построена там, где, по преданию, Петр отдыхал, изучая эти места, намереваясь построить корабельный путь. «Беседная» — точное название. Действительно, это, скорее, павильон-беседка под

высоким шпилем. Про эту часовню много рассказывают поныне. Само ее присутствие в этих краях поддерживает память о Петре Великом в Вытегорье. Место затоплено при реконструкции канала в 60-е годы, как и великое множество других древних сел, деревень.

Несется, подпрыгивая, автобус. Записываем наспех от разговорчивых спутников, местных жителей, имена погибших селений. Иные, не расслышав, теряем в придорожной пыли. Только в здешнем, анхимовском, сельсовете ушли под воду — вместе со всеми своими преданиями, легендами, именами знаменитых земляков — деревнюшки Сюрбга, Зеленино, Кательниково, Локманово, Леонтьево, Филиппово, Данилово, Белоусово, Голосово, Нагажма, Поджа, Подъелье, Подгородка, Материки, Ребово, Жарково, иные... Исчезли знаменитые Собацьи Пролазы. Одна надежда: и здесь найдем, может стать, переселенцев из погибших сел, они порасскажут местные байки...

... Когда на придорожном верстовом столбе показалась надпись «Анхимово», соскочили на пыльную обочину в великой оторопи. Уж очень скоро приехали! Не успели приготовиться к встрече, наглядеться в окошко! Прихватили рюкзаки, громоздкий наш магнитофон. До села от тракта надо порядочно пройти. Все-таки мала земля! Не так уж далеко отъехали от оставшегося без нас на целый месяц родного Петрозаводска. А кажется, и воздух здесь совсем иной. Леса будто гуще (правда, в Анхимове темнеет лишь еловая корба — священная кладбищенская роща). Поля зеленеют ярче. И дорога не сизо-пыльная — здесь она горячего охристо-красного колера.

Особенные краски пылали здесь, видимо, еще и оттого, что гроза, гоняющаяся за нами по Вытегорью и опять настигшая нас уже в Анхимове, сгустила воздух до синевы просветленного оптического стекла. И вот туча надвинулась, черная, как сажа. Испустила ослепительно белые молнии. Грянул над нашими победными головушками гром! Густой ливень взбил пузыри на лужах длинными стальными прутьями. Заставил опрометью спасаться в пустой молочной ферме, в каком-то помещении вроде кормозапарника. От гневного удара грома выплеснулась наземь околеника из окошка. Похоже, дождь надолго, надо пробираться в село!

Сельсовет, почему-то лишенный обычной приметы — красного флага, нашли моментально. И председателя застали. Молодой симпатичный Юрий Гаврилович Кабанов, недавний механик здешнего совхоза, устроил нас на прожитие в комнатенке на первом этаже сельсоветского особняка. До нас тут проживал богемный человек, заведующий местным клубом, совсем по-холостячки. Сыро. Холодно! Простыни на койке свирепо грязные. Юрий Гаврилович, собираясь домой — день прогорел, — пообещал: придет техничка, все приберет, постель сменит. Вместо тетеньки-уборщицы прискакали ее смешливые племянницы-девчонки. Подмели пол в сельсовете — и ходу,

заперев сельсоветский дом снаружи. Отчего мы оказались взаперти! Пришлось вылезать в окно...

Ладно, хоть чайник есть в нашей «комнате для приезжих». Рассердились мы на Анхимово, мокрое и неприветливое. И заодно надуться мы друг на дружку. И вот впервые Нила побежала в одну сторону села, а Витя, значит, в другую! Собрались «дома» уже около полуночи, «в темнях». И принялись делиться впечатлениями от первых встреч с анхимовцами.

При такой погоде самое неприятное место — совхозное огуречное поле! А самый мрачный человек — аккурат огуречный сторож! Сюда-то и залетела наша Нила. Разбеседовалась в сутемени синей под дождем с дедушкой. Старик худой, повытянутый вверх. И лицо у него длинное, бледное, шея долгая. Ноги, словно ходули, плохо носят. Старик жалуется на множество болезней, старушка-жена страдает бронхитом. Напасть у него, Григория Павловича Попова, великое горе: зарплату получил за свой огуречный дозор «незаконно» — пенсионеру не полагается. Теперь из своей двенадцатирублевой «пенсии» выплачивает-возвращает любимому государству ежемесячно по четыре рубля долга. Теперь эту «порядню», говорят, отменяют. Разрешат пенсионерам работать. И пенсию чуть увеличили...

Дедушке семьдесят пять. Григорий Павлович местный, малограмотный. Рассказывал старый солдат Великой Отечественной и гражданской войн (как и многие другие в Анхимове рассказывают) о построении здешней многоглавой церкви, про причастного к этому делу, по преданиям, Петра Великого. Вновь — про канал, корабли. Шли мимо этого берега с Балтики на Волгу боевые миноносцы — волной луга заливало. Сходили на бережок молодые матросы. Один и деву здесь себе высмотрел. Вернулся потом, женился, «опреселился»... В восемнадцатом году, не столь и давно. А жизнь прошла...

Предания о храме — преданиями! Но вот, говорят, в самой сгоревшей в 1963 году церкви «соблюдалась» прикрепленная к иконостасу памятная доска. А на ней — редчайший случай! — запись, ее нам цитируют по памяти: «При реке Вытегре церковь Покрова Богородицы освящена в 1708 году, во время преобразителя России Петра Великого, первого императора. Перепоставлена на каменный фундамент, вновь освящена 1 октября 1793 года». Редчайший случай! Ведь на той же доске были названы поименно и зодчие, строившие церковь, потрудившиеся здесь плотники! Первый из «славутников», вождей артели, — Петр Невзоров, крестьянин деревни Гозина Аневзорова на Дмитровой горе. От этой деревни ничего не осталось, кроме имени. Ныне она под водами Волго-Балта. Вторым назван Буняк, христианского имени не припомнят. Прозвище — «установельско» — можно перевести на современный язык как Шумный, Гордый, Заметный. Он, Буняк, родом из деревни Исаковской на Тагажме-реке, до затопления слывшей Зеленино.

Помнят: зодчие вместе разрабатывали проект, следуя обычаю строительства древнерусских многоглавых храмов. Подбирали надежную артель. А было в ней 75 человек, из которых 12 — женщины. Все — местные крестьяне. На доске «цвели» их простые имена, чтоб знать, кого в молитвах поминать: Николай, еще Николай, Яков, Назар, Иван... Про зодчих известно еще, что были Буняк и Невзоров одногодки, ко времени освящения храма каждому под восемьдесят.

Анхимовская церковь хранила уникальный старинный иконостас, до которого, похоже, у реставраторов и исследователей так и не дошли руки. Местные жители (в частности, памятливые на диво наши собеседники Василий Дементьевич и сестра его, бабушка Маша, по фамилии Вороновы), родившиеся в конце прошлого века, вспоминают: на третьей сотне лет раскатанная, вновь поставленная на фундамент церковь «была как молодая». В пазы, ладно причерченные, вырубленные плотниками петровского времени, невозможно было просунуть лезвие бритвы. Не сыскать и места соединения брусьев, теса, бревен. Видно, рублен был храм из рудового, сердцевого, сухеного леса, да и с добрым мастерством. Вот из такого материала (да и такой доброты плотники) делали коробки-шлюзы, из которых вода не просачивалась, держалась налитая...

Давно высказывалось предположение: Кижский собор, который ведь суть усовершенствованный Анхимовский, делала ватага-артель Невзорова и Буняка. И это они скрылись за легендарным псевдонимом «Мастер Нестер», Кижь пока остаются анонимным произведением. Будем надеяться, дотошные исследователи когда-нибудь доберутся до тайны Кижей. Пока же лежащая за зеркалом Онего Карелия, видим, «зеркально» отразила шатер Саминской церкви — в Кондопожской, а Вытегорско-Анхимовский храм живет в величавости Кижского Спаса. Ну отчего так печальна судьба здешних памятников деревянного зодчества? Отчего неведома никому, например, красота храма в Девятинах?

В 60-е годы XX века Покровскую церковь в Анхимове предполагалось реставрировать. Об этом тоже знают на селе. Был, ведомо, разработан проект (архитектор А. В. Ополовников). Храм объявлен памятником архитектуры всесоюзного значения. В 1963 году реликвия народной культуры Русского Севера погибла в огне... Но и сейчас еще местные жители надеются на воспроизведение храма. И мы, мало веря в возможность такого «новодела», все же не решаемся говорить об этом людям. Вновь слышим предания, аналогичные кижским: место строительства церкви указала приплывшая по реке икона Покрова. Нашли ее у приплеска вод, тут и построили храм. В Кижях место построения храма, по легенде, указал приплывший по озеру строевой лес, предназначенный для церкви. Иное предание: купец или крестьянин построил ее на месте гибели сына здесь, в Анхимове.

И утро после грозы такое доброе! И денек разыгрался — на славу. Не осталось следа от давешнего смутного настроения. Все-то нам в Анхимове нравится. Работаем от темна до темна. Едва успеваем сделать очередную запись в дневнике. Опять слышим такие обычные здесь предания о деятельности Петра I. О том, как украли у Осударя лазоревый камзол с золотыми пуговками (нам памятни точно такие же легенды в Поморье, приуроченные к остановке Петра в деревне Нюхча в 1702 году, том же самом времени славного похода на Шлиссельбург и Осударевой дороги! Записывали их двумя годами раньше).

Слышим здесь, в Вытегорском крае, как Петр, осердясь на здешних лукавых мужичков, заявил им в сердцах: «Вы — тигры!». И оттого, мол, пошло название и города, и речки. Таких наивных топонимических преданий немало на Севере, да и повсюду на белом свете. (То — тьма! — аттестовал будто бы тот же Петр селение, вот и назвала Тотьмой!) И опять слышим старинные рассказы о пути-бечевнике. Как живые, проходят перед нами конюгоны, пешие бурлаки, тянущие лямку общей бечевы: «Мешок на голове; мокрый, как водяной! Хаживал и я с Чайки до самой матушки-Вытегры!» И о бурлацких матерях, у которых на все слез хватает: «Плачут не в горсть, а в пригоршню». И про то рассказывают, как тащили барки туерами: заведут вперед якорь на дно, а потом и выхаживают цепь. Так и тянули. «Пароходами тянуть невыгодно: сильно разрушались узкие берега от пароходных винтов». И опять — «демонологические рассказы». Идет бурлак домой, бережет получку за пазухой. Вдруг видит — вырос из воды водяной хозяин выше сосен. Одной ногой на один берег ступил, другой — на иной. Спервоначалу-то, конечно, оторопь взяла бечевого тяглеца — да еще деньжонки-то не отобрал бы, ой! Да присмотрелся — водяной как есть нагой стоит, качается. Зелена борода наготы не скрывает. Фыркнул насмешливо бурлак: «На эти бы ножища — да красные штанища — вот был бы молодец!» Как тут водяной-то спохватился, срамоту в лапы сгреб — да побежал-пошлепал по Марининке, зауhal: «На эти бы ножища — да красные штанища... ах-ха-ха!» Ведь нечистая сила пуще всего боится варового — насмешливого! — слова. Это — верная защита, хоть от домового, хоть и от лешего...

В преданиях, народных рассказах — да вот, оказывается, и в быличках тоже — помнят о бурлацком быте с поражающей воображение дотошностью. «Путина», «тяга», «бечевник» — это ведь не только возможность заработать «живу деньгу», «рублишко на штанишки». Это еще и способ выйти из привычного круга крестьянского существования.

Чаще барки тянули конной тягой. Но в иных местах коням не пройти. Двенадцать человек волокут барку. Местами по берегу и тропы-то нет, кое-как лепятся по кустышкам... Бурлак получал рубль в

день. Землекоп — от 55 до 75 копеек. Пуд муки стоил рубль. Вытегорцы-старики, в том числе и жители Анхимова, благодарно вспоминают «обжорку» в своем уездном городишке. Холодец там — 5 копеек за фунт. Хлеб — 1 копейка, ситник — белый хлеб — 6 копеек за фунт (400 граммов).

Как уже говорилось, доселе занимает былых путинных, их детей и внуков тайна чудесного обогащения торгующих крестьян, прежде всего Лопаревых. Особняк этого торговца и крупного подрядчика стоял, говорят, где-то возле Девятин. Любил, вспоминают, Лопарев выйти на переное крылечко — да прямо с него и сесть в выездной катер, отправиться на шлюзы. А они, эти рубленые клетки водосбросов, носили «крещенные» имена: «Андрей», «Самсония», «Михаил», «Владимир», иные... На каждом шлюзе — через версту — сторожа из отставных солдат: стоят у столбов, следят за порядком. А на столбе — медная церковная кружка. А над каждым четырьмя шлюзами старшой — заслуженный «ундер» в черном мундире с зелеными кантами, с бляхой на груди, весь в медалях и крестах. На пуговицах у него — скрепленные якорь и топор.

Давно пробежал катер Лопарева, суда старинных его конкурентов — Балтина и Копорулина. А память о них живет, жива и песня: «Копорулин и Балтин взяли промысел один. Не считав еще доходов, накопили пароходов...» Тысячи крестьян из дальних и ближних деревень съезжались «на тягу» в навигацию, оставляя семьи, пашню, «сеножати» в самое страдное время ради «наживы», оборачивавшейся скудным заработком. И вот избалованный богатым подрядчиком бурлак измыслил и произнес самое страшное, в его представлении, проклятье — «на остуду» в лопаревской семье. Сохранился в людской многоустой памяти текст, встречающийся в вариантах поныне:

— Стану я, раб Божий, не благословясь, выйду не крестясь. Из избы не дверьми, из ворот не в ворота. Выйду я подвальным черным бревном, дымчатым окном, в зелено чисто поле. Во чистом поле бежит река темна. И во той реке темным-темной ездит черт с чертовкой, шастает водяной с водянкой. На одном челне не сидят, одним веслом не гребут, одной думы не думают, совета не советуют.

— Так бы и раб Божий Кузьма с рабой Божьей Анисьей на одной бы лавке не сидели, одной бы думы не думали. В одно бы окошко не глядели, одного совета не советовали. Собака бела, кошка сера, промеж них змея синя. Золот ключ, буланый замок словам моим — амины!

За этим заговором на купца, насолившего чем-то бурлаку и примерно им наказанного — «за лычко ремешком!», — следует впечатляющая панорама душевного и семейного разлада в семье Лопаревых. Эти бытовые рассказы интересны, но все же не нашего жанра! Нам вынь да положь эпические предания, былички о нечистой силе, легенды о святых и построении храмов. Если не о царе Петре или бра-

товьях-разбойниках, так хоть о силачах, простодушных крестьянских богатырях, которые являли могуту «везде, где кипит...». К сожалению, почти не знают здесь имя широко известного в Поморье и на Онего-реке Ивана Лобанова. Зато вновь и вновь рассказывают о Степане Дурове из Алмозера, о Сергее Пескове из Вытегры. Они «оказывали силу» в тяжелой бурлацкой лямке.

Внезапно ожившей легендой предстает перед нами в Анхимове молодой еще в череде наших «информантов» Владимир Александрович Обрядин. Ему нет и пятидесяти. Он — прямой потомок того преславного вытегорца, что некогда лишил Петра самолучшего камзола. И вот Владимир Александрович, поведав нам о старинном атамане здешних речных пиратов — славном Мураше, рассказал и о происхождении собственной знаменитой в этих краях фамилии. Приведем текст семейного предания, ставшего достоянием своеобразного эпоса «корабельной стороны».

«Ну хорошо. Расскажу, отчего наша фамилия пошла. Это было очень давно. Тогда царь Петр I проходил по нашей территории. И, не доходя до Вытегорского Погоста, на Беседной горке лег отдыхать. А рядом с собой положил камзол. Было время теплое, как вот сейчас. И этот камзол кто-то, видя, что царь спит, и взял. Подшутить, видимо, хотел. И унес. А Петр, видно, заметил. Пришел в деревню, спрашивает:

— Мужики! Кто у меня камзол взял?

А один-то и смеется:

— Да у меня, у меня, — говорит, — камзол твой! Хотел фасон снять.

— Да где?

— Обряженный! (Спрятанный, значит.) И подает ему камзол.

А Петру словцо занравилось. Вот он и дал этому мужику новое прозвание: «От сего времени быть тебе Обрядиным».

Ну, и стал давний падед Обрядиным. Стали мы все фамилию носить — Обрядины. И я, и дети мои. И внуки будут Петра помнить, Обрядиными слыть».

* * *

Синяя короткая ночь в Анхимове тепла. Идем берегом.

Тихий плеск винтов. Вполголоса звучащие команды с ходовых мостиков теплоходов, сухогрузов. Встреча, расхождение цветных ходовых огней. Кто в полуночные северные страны идет. Кто — в марево полуденных южных степей, в заморские страны.

Словно встречные корабли, сходятся здесь и расходятся времена. И вечен приплеск-говор, вековечна молва, народная память. Вновь и вновь переживается минувшее древнего края, встречи с людьми корабельной стороны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, подготовленные Н. А. К р и н и ч н о й (ныне доктор филологических наук) издания: Северные предания: Беломорско-Обонежский регион. Л.: Наука, 1978; Легенды. Предания. Бывальщины. М.: Современник, 1989; Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991; а также: Медный вершник: Сказы о Петре Первом. Петрозаводск: Карелия, 1988 (соавтор В. И. П у л ь к и н), многое другое.

² Район Петрозаводска.

III. Ефим Твердов

Переступив порог местного музея, тотчас встретились с этим литераторским именем. Здесь развернута выставка поделок Ефима Григорьевича. Резьба по дереву — довольно грубая. Аляповато раскрашенная жесть при помощи паяльника превращена в макеты памятников деревянного зодчества. Поблескивает слюда, еще какие-то материалы, немыслимо соединенные. Но ведь вот диво-то — талантливо, своеобразно! Мы так углубились в рассматривание пестрого сора художеств Ефима Твердова, что, когда подошли к кассе, там изумились: «Да ведь вы с самого утра здесь, я думала — с билетами!».

Странные произведения выполнены рукой причудливого самодеятельного мастера воистину с божьей искрой. Мы сразу узнали народного художника в чуть заносчивом, избалованном вниманием, похвалами старичке, белобородом и чуть косолапом, невысокого роста. Не удержались, посетовали, что, мол, не подходит ему фамилия — Твердов! Будто педант какой! Оказалось, нежнейший, податливейший в общении старик придумал себе звучный псевдоним, вступая во Всероссийский Союз крестьянских писателей в 1928 году, 25 лет от роду. Вот он, членский билет этой организации, валяется на этажерке... А подлинная, отцовская фамилия — Хохлов.

Откуда взялись Хохловы в глухой вожегодской, что близ нашего любимого Каргополя, деревнюшке? Что-то мягкое, южное, «хохлацкое» и впрямь есть в этом человеке с серебряной бородкой, подбритой у рта и на щеках. Он простодушно, но напористо сравнивает себя с черкасовским профессором Полежаевым из старого фильма «Депутат Балтики». А что? Есть общее. В окрыленности и самоиронии чудаковатых талантливых стариков... Но это мы уже потом, дома у Твердова беседовали! Но надо еще немного сказать о музейной выставке творений Ефима Григорьевича, каргопольца по рождению, ставшего типичным вытегорцем, знакомого здесь человека.

В музее твердовская пластика экспонирована на своеобразной «горке». На уступчиках вроде иконных лещадок помещены условные архитектурные миниатюры, композиции-макеты. У поляков это называется «фрашки», «шопки». Там это распространенный вид народного искусства, ставший заметным промыслом. «Шопки» — непременная принадлежность католического рождественского ритуала, особенно на селе.

Оказалось, Ефим Григорьевич не только основательно знаком с польской традицией, но даже переписывается вытегорский дед-всевед с одним из мэтров польской фрашки. Стало быть, Твердов опирается на передовой европейский опыт, создавая свои макеты сказочных зданий, украшая их резьбой, росписью, цветной фольгой, дымчатой слюдой — «паче реши» — чем ни попадя! Твердов с важностью